

S-T-I-K-S

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

-ЗНАЧИТ АТОМИТЫ

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. «А» –

значит атомиты!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70282045

SelfPub; 2024

Аннотация

Однажды очнувшись на рассвете в незнакомом городе, я не помнил, как я тут оказался и кто я такой. Вокруг меня творился чёртов зомби-апокалипсис, а лучи солнца оставляли на коже ожоги. Что делать? Прятаться, спасаться, бежать? В такой ситуации естественно отступить, но обстоятельства вынудили меня принять бой. Чтобы выжить в мире монстров, мне предстоит поверить в себя и понять, кто я такой, а после этого обрести силу. Зачем? Я собираюсь не просто остаться в живых и выстоять против всех опасностей мира под названием Улей, но и преуспеть.

Содержание

01. Хищник	5
02. Проблеск	12
03. Первый рейд	19
04. Прекрасный новый мир	26
05. Лия	34
06. Схватка	40
07. Допрос	46
08. Неожиданный вызов	55
09 Маяк	62
10 Увольнение	68
12 Ремор	81
13 Чернота	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. «А» –

ЗНАЧИТ АТОМИТЫ!

«А» – значит атомиты!

Однажды очнувшись на рассвете в незнакомом городе, я не помнил, как я тут оказался и кто я такой. Вокруг меня творился чёртов зомби-апокалипсис, а лучи солнца оставляли на коже ожоги. Что делать? Прятаться, спасаться, бежать? В такой ситуации естественно отступить, но обстоятельства вынудили меня принять бой. Чтобы выжить в мире монстров, мне предстоит поверить в себя и понять, кто я такой, а после этого обрести силу. Зачем? Я собираюсь не просто остаться в живых и выстоять против всех опасностей мира под названием Улей, но и преуспеть.

01. Хищник

Бежать, бежать, бежать, бежать, бежать, бежать! Я не знал, сколько я уже бегу, ноги были готовы отказать в любой момент. В висках стучала единственная навязчивая мысль, не мысль даже, а паническое побуждение: “Спасайте меня, мои ноги!!!” Этой ночью я прекрасно себя чувствовал. Я питался. Было вкусно и, наконец-то, тепло. Я был охотником. Я был сытым.

Но всё изменилось в один момент: хороший фон резко превратился в отвратительный. И я это чувствовал, инстинкт самосохранения буйствовал на задворках сознания и твердил: «Беги, спасайся!»

Стоило выскочить из зоны опасного, неприемлемого фона, и я рухнул на асфальт, тяжело дыша, словно загнанный зверь. Но так валяться нельзя. Найдут и съедят. Если не такие, как я, то звери. Отполз за угол и уселся у стенки в тени.

Солнце ещё не показалось, а я уже ощущал, что обжигающие лучи светила ничего хорошего моей коже не сулят. Что со мной? Кто я? Я поднёс руки к глазам и увидел, что кожа на них болезненная, сморщенная, покрытая мелкими язвочками, как при аллергической реакции. Захотелось заплакать в голос от увиденного.

Что со мной?!

Я не такой! А какой? Какой я? Но философскую мысль

беспощадно оборвали лучи солнечного света, пронзившие небосвод. Я огляделся.

В переулке стояли металлические мусорные контейнеры. Забраться в один из них? Если зарыться в кучу мусора, солнечные лучи не доберутся до моей кожи, ставшей чувствительной к дневному свету. Нет. До такой степени я ещё не погрузился в пучину отчаяния. Рядом, в стене напротив, виднелась задняя дверь, выглядевшая неприступной, но взгляд выхватил, что она приоткрыта на пару пальцев. Ринулся к ней. Дёрнул за ручку. Заперто!

Но створка чуть поддалась, а внутри звякнула цепь. Цепь? Цепь! Я снова огляделся. Солнце уже вставало. Кажется, это явление называется «рассветом». Рука моя пролезла в щель и нащупала крюк с цепью, державший металлическую дверь и не позволявший ее открыть. Минутная борьба – и крюк удалось вытащить из петли. Цепь со звоном упала – створка с диким скрипом распахнулась. Парализованный страхом, я на несколько секунд замер.

Я не знал, что мне грозит, но инстинкт самосохранения орал в голос: «Бойся!» В общем, я и боялся. Как оказалось, очень не зря.

За спиной раздалось урчание. Только не надо путать эти жуткие звуки с теми, которые издают коты. Такого урчания я никогда в жизни не слышал. Если люди всегда произносят что-то на выдохе, то это урчание вырывалось на вдохе, и голосовые связки тут были явно ни при чём. Осторожно

обернувшись, я увидел мужика совсем не богатырского сложения, с обычным человеческим телом. Только кожа незнакомца была неестественного мертвенного цвета, да голые мощные ноги оказались перевиты канатами асимметричных мышц. В общем и целом, походил он на бомжа, но какого-то странного – ниже пояса одежды на незнакомце не было, а вот верхнюю часть тела прикрывала замызганная до последней стадии майка–алкоголичка, обтрепавшаяся до состояния топика.

Глаза... Глаза “бомжа” не принадлежали человеческому существу. Не осталось в них ни радужки, ни всего остального. Они были чёрными, как у какого-нибудь насекомого. Но больше всего впечатлил меня взгляд. Несмотря на произошедшие с органом зрения мутации, читались во взгляде голод и полное отсутствие интеллекта. Чтобы осознать всё это, мне потребовалась секунда. На меня охотились!

Тварь, отдаленно напоминая человека, бросилась на меня. Единственное, что я успел сделать, – это заскочить в помещение, однако я не захлопнул дверь. Внутрь просунулась рука с грубыми заскорузлыми ногтями. Чужие пальцы вцепились в воротник моего пиджака и потянули ткань на себя. Я, ошарен от ужаса, полуобернулся, схватился за ручку металлической створки и изо всех сил потянул её на себя. Жуткое урчание повторилось, оно, как раскат грома, заставило меня вздрогнуть, но на этот раз это был дуэт! Тварь подавала сигнал своим! Подобные ей существа отвечали на

зов, обещающий боль и смерть.

Через минуту я заметил, что около двери стоит метла... Знаете, есть такие мётлы, связанные из прутьев, с деревянной ручкой? Она—то и приковала моё внимание, а секундой позже я увидел такой же грязный ржавый топор, притаившийся за оцинкованным ведром.

Продолжая удерживать дверь одной рукой, я попытался дотянуться до топора. Получилось это у меня далеко не с первого и не со второго раза – голодная тварь в облике человека дёрнула меня, мешая вооружиться. Но в итоге все получилось, и, завладев тупым и зазубренным топором, я тут же рубанул им по запястью мертвяка.

Естественно, смазанный и неуверенный удар особых результатов не принёс. Рука даже не отпустила меня.

Внезапно весь дикий ужас, который я испытывал с того момента, как осознал себя бегущим, отступил, а на смену ему пришёл гнев, придавший мне решимости.

Во второй раз я треснул бешеного незнакомца изо всех сил, с пролетарской ненавистью, так сказать. Но и этот удар выщербленным инструментом не заставил мертвяка разжать пальцы, хотя было видно, что рана у твари появилась серьёзная, и из неё сразу начала литься тёмная густая кровь. Я саданул в третий раз так, что по гулкому помещению пошёл звук удара о кость. Цели своей я добился – руку преследователю отрубил и вытолкнул зомбака на улицу. После того, как дверь захлопнулась, я для верности зафиксировал её цепью.

Была тут и мощная самопальная задвижка из листовой стали, которую я сразу применил по назначению. И тут же в створку кто-то врезался. Мощная дверь задрожала, несколько кусков шпаклёвки возле косяка отвалилось. Но преграда выдержала натиск голодной твари.

Наверное, впервые за сегодня я выдохнул с облегчением. За первым ударом раздался ещё один, затем – ещё и ещё. Хотелось сказать, чтобы головой постучал, но решил не провоцировать монстра. Хотя... что может быть большей провокацией, чем отрубание части тела ржавым топором?

Я посмотрел на орудие труда, зажатое в моей руке, и взвесил его. Тяжёлый. Отбрасывать его в сторону, как хотел сначала, не стал. Вдруг понадобится ещё?

Стало ясно, что попал я на какое-то предприятие. Передо мной был просторный тамбур и коридор. Стены примерно мне до плеча были покрыты краской казённого ядовито-зелёного цвета, выше шла побелка. Пол устилала шершавая керамическая плитка цвета детской неожиданности. Ну да, работягам и так пойдёт. Внутри помещения никто не урчал, так что если исключить тот факт, что резвый упырь продолжал долбиться в дверь, то кругом царила мрачная гробовая тишина.

Болело всё, кроме ногтей и волос. Больше всего хотелось лечь и притвориться мёртвым прямо тут, на грязной светло-коричневой керамической плитке, но здравый смысл толкал меня осмотреть предприятие и, если обнаружу другие

двери, закрыть и их, чтобы спящего меня не попробовал на вкус зомби, беснующийся снаружи.

Непохоже, что у него хватит ума обойти и поискать другие входы в здание, но рисковать не стоит. К тому же упорства и выносливости у мертвяка хоть отбавляй – тварь раз за разом бросалась на тяжёлую металлическую дверь, не жалея ни себя, ни собственных сил и не желая (или попросту не умея) отступить.

Сюрприз ждал меня буквально сразу после входа в цех. Пересидеть сколько-нибудь серьёзную осаду тут не получится, впрочем, как и скоротать в убежище солнечный день. Огромный цех, предназначенный для химчистки вещей, был буквально весь пронизан противоположенными мне солнечными лучами, стреляющими в просторное помещение сквозь высокие окна.

Или всё же получится? Я заметил собранные жалюзи и первое, что сделал, – опустил их. На одном из окон систему заело, но это уже не играло для меня решающей роли, ведь освещённым остался лишь небольшой участок цеха.

Пройдя дальше, я выдохнул свободно. Парадная дверь закрыта. Снаружи опущены рольставни, закрывающие стеклянную входную группу. Не Форт-Нокс, но я почувствовал, что после этих манипуляций стало не в пример безопаснее. Кроме клиентской зоны, кабинетов с казёнными табличками, бухгалтерии и администрации, нашлись склад с химией, комната, заваленная грязной одеждой, каморка механи-

ка, видимо, чинившего стиральные машины, и бытовка рабочих. Вот бытовка-то и предоставила мне всё необходимое. А что мне надо было? Немного. Выпить полтора литра воды из кулера и упасть на продавленный диван. Сон был похож на потерю сознания, словно свет выключили.

02. Проблеск

Уютный шорох тёплого июньского ветра, дышавшего летним зноем, не мог пробраться в салон автомобиля. Кондиционированный воздух, охлаждённый до комфортного двадцати одного градуса, был приятен, но, увы, стерилен, безжизнен, как была мертва и надежда на то, что родители Арка примут его невесту. Не сказать, что это доставляло моральные страдания, но от равновесия Аркадий также был далёк. Его переполняла злость на самого себя, она выжигала нутро, из-за чего эмоции уступали место внутренней пустоте, которая стремительно разрасталась, как запущенная злокачественная опухоль.

Ведь был телефонный разговор с отцом, в ходе которого он получил предупреждение, что родительского благословения не видать как своих ушей, но нет... Ему показалось, что, когда мама увидит Лию, будет ей очарована так же, как и сам Арк. Как можно не влюбиться в Лию?!

Когда он впервые увидел свою малышку, то на пару минут потерял дар речи. Она даже принесла Аркадию стакан воды, чтобы привести его в чувство. Но всё равно ещё полчаса Арк мог давать только односложные ответы, за что Лия до сих пор иногда звала его медвежонком.

Правда, на следующий день он пришёл к ней с огромным букетом цветов. Этот роман был словно обжигающая вспыш-

ка коллапсирующей звезды, как выстрел в самое сердце.

Все дальнейшие события воспринимались словно в облаке из розовой сахарной ваты. Нет, он не прилагал усилий, оно само собой как-то так получалось. Они ходили в театры, которые Арк не понимал до этого, но с подачи Лии внезапно полюбил этот отмирающий вид искусства. Посещали вместе выставки живописи, на которые Арк отродясь не ходил. А после, держась за руки, до утра гуляли по мокрому асфальту центра древней Москвы. Он мало знал стихов и не понимал поэзию, но выучил с десятков лирических произведений, для того чтобы удивить свою Лию. Казалось, она была полной его противоположностью – любила поэзию, танцы, театры, живопись и, в отличие от многих других, кто подобное просто декламирует, во всём этом прекрасно разбиралась.

В полупустой голове висел один вопрос. Мог ли он поступить иначе? Когда позвонила мама и попросила познакомить её с новой девочкой, то Арк подумал: «Вот он, наш шанс!»

Родительница устроила только для самых близких «тихий семейный» ужин, на котором были все представители семьи Солнечниковых. А это человек двадцать с небольшим.

Когда они вошли под руку в отчий дом, то Кира, старшая сестра, закрыв лицо руками, выскочила прочь, сдерживая истерический смех. Все остальные оказались более сдержанными, чем эта дура, но их улыбки были фальшивыми, а взгляды – холодными.

Лия словно не замечала этого. Она улыбалась, наслажда-

лась русской кухней и даже с удовольствием станцевала под живую музыку. Мама, ну зачем приглашать целый живой оркестр на «тихий семейный ужин только для своих»?!

Валерий Денисович, глава семейства и по совместительству отец Арка, под конец ужина отозвал сына и фактически повторил своё требование расстаться с Лией. Нет, сын мог резвиться с этой девушкой столько, сколько захочет, но вот вводить её в семью... Может быть, отцу не доставало чувства такта, но чего было не занимать, так это жёсткости и харизмы. Наверное, таким и должен быть глава корпорации «Семаргл Индастрис» – военно-промышленного предприятия, у истоков которого стоял прадед Арка, но...

Как иногда хотелось почувствовать обычную поддержку и теплоту! Отец относился к тому типу людей, у которых есть их мнение и неправильное. Сегодня Арку был поставлен ультиматум – или он порвёт с этой шлюшкой, или отец лишит его финансовой помощи. Арка это взбесило, но он предпочёл не устраивать сцен. В конце концов, у его родителей может быть своё мнение, он не настаивает на том, чтобы Лию ввели в круг семьи. Просто хотелось сделать всё по-человечески, а не вот это вот всё.

Налив себе минералки, Арк подошёл к играющим классическую мелодию музыкантам так, чтобы находиться на виду у своей девушки, которая всё ещё разговаривала тет-а-тет с его матерью.

Лия – просто солнышко! Она улыбалась своей неподра-

жаемой обворожительной улыбкой, да и мама также вещала ей что-то вроде бы весёлое. На секунду даже показалось, что эти две красивые стильные женщины нашли какие-то общие темы и теперь всё будет хорошо. Но ощущения говорили об обратном. От пары беседовавших женщин словно исходила та неосязаемая вибрация, какая бывает, когда стоишь под проводами высоковольтной линии. Почему-то вспомнилась шутка: «Сегодня клёво не будет. Клёво было вчера».

Наконец Арк дождался завершения разговора и глазами показал подруге, что им пора. Простившись со всеми, молодые люди вышли и сели в ярко-жёлтого “Жука” Лии. И тут Арк не выдержал, ударил ладонями по рулю.

– Чёрт! – выругался он.

– Эй, полегче, ковбой, – промурлыкала Лия. – Моему пони может быть больно!

Солнечников завёл старенький, но всё ещё бодро бегающий фольксваген и тронулся с места. Доехав до съезда на трассу, Арк припарковался, вопреки всем правилам дорожного движения, и посмотрел на спутницу. Порылся в кармане пиджака и выудил из него коробочку. Передал ее возлюбленной.

– Подарок...

Автоматически девушка приняла коробочку и обомлела.

– Хотел представить тебя родителям и сделать предложение, – сообщил Арк и просто сказал: – Выходи за меня.

Лия подняла на него огромные глаза. Смесь чувств застав-

ляла девушку открывать рот, словно она была выброшенной на сушу рыбой. Верила ли Лия во все происходящее?

Об этом кричали бегущие по щекам дорожки слез. Девушка взяла руку возлюбленного длинными изящными пальцами, и он смог ощутить их дрожь. Лия придумывала новые слова, но не решалась их высказать ему...

Она прижалась к груди Арка и стукнула по ней маленьким кулачком. Эмоциональность – это слабость девушки. И сейчас её эмоции выплескивались чуть ли не из ушей.

– Ты... Ты... Ты... – в попытке подобрать слово лепетала непослушными губами Лия, но в конце концов выдала: – Конечно, я согласна.

Повисла тишина. В глазах девушки все еще стояли слезы, но она улыбалась.

– Люблю тебя... – прошептала Лия и постаралась отстраниться. – Люблю тебя, слышишь? Ты же не обманываешь меня, так ведь? И что бы ни произошло, мы будем вместе? Что бы ни случилось, обещаешь?

Будущий муж кивнул. Таков был его план.

– Конечно, неужели по мне незаметно? Я тоже люблю тебя, – выдохнул Арк, захлёбываясь эмоциями и едва держа себя в рамках.

Он чувствовал себя огромным и неуклюжим, словно медведь, обнимая хрупкую девушку.

– И никогда не оставлю тебя... – припечатал своё обещание Арк, чмокнув девушку в аккуратный шмыгающий нос.

сик. Что-то непонятное читалось во взгляде глубоких карих глаз Лии. Тогда он не понял, что это. Зато сейчас понимаю я.

Она знала, что нельзя давать такие обещания и тем более требовать или принимать подобные клятвы. Но ей хотелось, хотелось слышать эти слова от Арка. И он пообещал ей. Пообещал то, над чем не имел власти.

Я лежал в полной тишине и темноте ещё какое-то время, прежде чем понял, что уже проснулся. Что это? Сон или воспоминания из моей жизни до всего этого? Я был человеком. Мужчиной. Тогда меня звали Аркадий Солнечников, для друзей просто Арк. Мне нужно разобраться с тем, что происходит вокруг меня. Чем таким я болен и болен ли?.. Слишком огромная разница между тем, как я себя чувствовал тогда и как – сейчас. Так или иначе, мне нужно получить помощь и вернуть свою жизнь. Ведь она у меня вроде была. Работа, любимая женщина, семья... Семья мне не очень понравилась, но лучше такая, чем вообще никакой.

От размышлений, воспоминаний и пока не оформившихся планов на будущее я как-то слишком резко перешёл к настоящему. Тишина. А провалился в сон я под мерные удары в металлическую дверь, которую таранил сумасшедший зверь в облике человека. Ему надоело... и он ушёл? Или... Или он сломал дверь и ворвался внутрь? От последней мыс-

ли меня прошиб холодный пот. Вчера я нашел ржавый топор, которым насилу отбился от сумасшедшего эксгибициониста, гнавшегося за мной явно не для того, чтобы хозяйство своё показать. Больше всего он был похож на... Да, правильно, на зомби. Но зомби – это мертвец, а этот был тёплым, даже горячим. Я ощутил это, когда существо схватило меня.

Топор я обнаружил там же, где его оставил. Орудие находилось возле продавленного дивана, на котором я отрубился.

03. Первый рейд

В просторных помещениях промышленного назначения царил мрак и абсолютная тишина. Собственное дыхание мне казалось чересчур громким. Пока я валялся на продавленном диване в болезненном забытьи, наступила ночь. Ещё одно открытие – темнота мне никак не мешала. Я прекрасно видел в темноте. Даже лучше, чем днём, отчётливее и резче, но, правда, в чёрно-белом спектре и не так чтобы очень далеко. Наверное, метров на восемьдесят, но точно не дальше, чем на сотню.

Обойдя всё предприятие и убедившись, что никого тут нет, кроме меня, а двери целы, уделил немного времени насущным потребностям. Вернулся к кулеру с водой и напился. Утолив жажду, тут же почувствовал себя дьявольски голодным.

Пока занимался поиском, чего бы пожевать, мысленно возвращался ко сну. Он был таким ярким, стремительным и правдоподобным... Есть только одно «но». Я не уверен, что это воспоминания и что они мои. Видение было как вспышка, наполненная цветами и эмоциями. Если бы не голод, не знаю, сколько бы я просидел в директорском кресле, анализируя происходящее и ища ответы на вопросы. Какие? Самый главный, пожалуй – если я он, в смысле Арк, как так получилось, что я из преуспевающего молодого человека

стал... Кем? Кем-то вроде бомжа, блин. Да ещё и больного. И кто все эти зомби? Что вообще случилось? Но голод погнал меня на поиски пищи.

Выручила подсобка. На столе нашлось немного остро пахнущего плесенью хлеба и полпачки зачерствевшего овсяного печенья. Хлеб есть не рискнул: не хватало мне ещё проблем с кишечником в довесок ко всему навалившемуся. Печенье всё до крошки сгрыз. Но это не принесло облегчения – живот от голода скрутило так, что я чуть было не изверг всё съеденное обратно. Пока я корчился, пытаюсь унять резь в желудке, взгляд упал на холодильник.

Ну конечно! Вот откуда мне стоило бы начать свои поиски!..

Это было ошибкой! Жуткая вонь заставила меня всё-таки прочистить желудок. Не помогло даже то, что я сразу захлопнул дверцу.

Снова разболелась голова.

Вернувшись к кулеру, я умылся и прополоскал рот. Поразмыслив, скинул с себя вообще всю одежду и помылся целиком, соскребая с себя грязь и отвратительные запахи. Кусок мыла, который я нашёл в уборной, помог мне справиться. Пока я плескался, запасы воды иссякли, но я видел несколько бутылок, стоявших у стены. Две из них точно были полными. Немного покумекав, разобрался, как заменить пустую бутылку полной. Напился повторно и отправился искать, во что одеться. Деловой костюм, что был на мне, пре-

вратился в заскорузлое отрепье, которое побрезгует нацепить самый опустившийся бродяга. По-хорошему, нужно бы всё это тряпье сжечь.

Как есть, голышом отправился на поиски одежды. В углу цеха, на вешалках, обнаружилась уже чистая одежда, обёрнутая в полиэтилен и пропитанная дезодорирующими ароматами, среди продукции химчистки я и нашёл запакованные в полиэтиленовые пакеты наборы формы какого-то охранного предприятия. Прочные чёрные брюки со множеством карманов, чёрные футболки и куртки... Правильно, тоже чёрные! Нашлись и ботинки, и толстовка с капюшоном. Чтобы не изменять себе, подобрал их в цвет. Вроде стал похож на человека.

Однако я вспомнил, как жгло солнце мою кожу, и решил сделать маску. Некоторое время потратил, просто перебирая барахло, и в итоге был вознаграждён тем, что нашёл чёрное постельное бельё из искусственного шёлка. Проделав дыру в наволочке, получил что-то вроде маски. Посмотрел на себя в зеркало.

Мда... Если я встречу с обычным человеком, напугаю его до заикания. Выглядел я с топором на плече как заправский серийный маньяк. Ну или как ниндзя колхозного разлива. Хорошо бы найти очки солнцезащитные и перчатки, но таких предметов на глаза не попало. Голод снова погнал меня искать еду.

На улицу из химчистки выходил с опаской, держа топор

наготове. Однако вокруг всё было тихо и спокойно. Никакие зомби меня снаружи не поджидали. Пока не взошло солнце, осмотрелся.

Меня окружали обычные жилые “свечки” от восьми и до двенадцати этажей, микрорайоны с инфраструктурой и всем необходимым. Здание с химчисткой, давшее мне приют и убежище, располагалось в одном из таких двенадцатиэтажных домов с двумя нежилыми нижними этажами. Выглядела застройка громоздко, неопрятно, неудобно.

Память подсказывала, что я никогда в таких домах не жил... Но она зияла провалами и пробелами. Например, я прекрасно знал, что такое школа. Вот стоит за забором здание – это школа. В нём учат детей до определённого возраста. Но вот, в какой школе учился я сам и учился ли вообще, сказать не мог. А то здание – детский сад, и... Снова та же самая история, что и со школой. И так обстояло дело с воспоминаниями относительно любой сферы жизни, бывшей у меня до вчерашнего дня. Я стал новым существом, словно начал отсчёт своей жизни только вчера.

Логика подсказывала, что магазин, торговавший едой, должен найтись неподалёку. И отыскался он легко. Большой, сетевой и торгующий всяким съедобным. Прижимаясь к фасаду здания и замирая, словно крыса, при каждом непонятном движении, я добрался до входа. «Магнит», – гласила вывеска. Я задумался. Уж не ошибся ли я? Как-то странно называть продуктовый магазин «Магнитом».

Осмотрелся вокруг, решил и вошёл. Нет, я не ошибся. Вот только многие продукты уже безнадежно испортились, о чём мне сообщил запах. Взяв несколько пакетов, я, не перебирая особо, наполнил их разнообразными консервами, хлебцами, галетами, шоколадными батончиками и бутылками с минеральной водой. Чтобы не делать лишней ходки, решил поесть прямо в магазине.

Я набрал вакуумные упаковки с копчёным мясом и до отвала наелся ими, запивая минеральной водой. И сразу полегчало. Прошла резь в животе, и голова стала болеть поменьше; кажется, даже улучшилось настроение. Быть сытым так приятно и замечательно. Сразу захотелось спать, но ещё рано возвращаться. Надо кое-что сделать. Найти тёмные очки и перчатки. Тогда ставший вредным солнечный свет не будет опасен. Помня о встрече с людоедами, презирающими штаны и нижнее бельё, я тихо и осторожно обошёл магазины, расположенные на первых и вторых этажах.

Дешёвые пластиковые и почти чёрные очки, закрывающие пол-лица, нашлись сразу. Нормальные перчатки отыскать не удалось. Всё, что нашлось, – это хозяйственный вариант, какой используют женщины, чтобы мыть посуду. На первое время пойдёт. Низкое качество тонких резиновых перчаток я компенсировал количеством, взяв с собой два десятка пар.

Когда я вернулся в магазин со смешным названием «Магнит» за своими пакетами, то на том месте, где оставил их,

ничего не нашёл. По спине пробежался холодок. Люди, превратившиеся в тупых кровожадных зверей, на такое не способны. Или способны? Что я вообще о них знаю? Вдруг они не только бестолковые есть, но и достаточно умные, чтобы...

Чтобы устроить засаду!

Мои глаза всматривались в темноту, а руки вытягивали заткнутый за пояс топор.

– Не балуй...

Тихий голос того, кто подкрался ко мне со спины, чуть не заставил меня подпрыгнуть от неожиданности.

– Топорик, говорю, не мацай. Не надо.

Я послушно оставил попытки вооружиться.

– Хороший мальчик...

Сзади раздались шаги. Справа меня обошёл мужчина с автоматом Калашникова, естественно, направленным на меня.

Незнакомец уселся на ленту кассы и, не убирая оружия, снабжённого банковской самопальной глушителем, спокойно продолжил общение:

– А теперь давай знакомиться... Ты кто такой?

И что ответить? И я решил говорить очень спокойно и нейтрально:

– Человек.

Мой голос поразил меня хрипотой. А мужчина весело хмыкнул.

– Просто человек? – уточнил он.

– Да...

– И кто ты, «просто человек»? – настаивал собеседник.

Я успел рассмотреть его. Лицо широкое с высоким лбом и упрямым твёрдым подбородком. Небольшая борода и короткая стрижка. Крупный. Одет в прочную походную одежду. За спиной здоровый туристический рюкзак. На поясе пара подсумков и кобура с каким-то большим пистолетом архаичного вида. Через плечо перекинута сумка с противогазом.

– Пытаюсь выжить, – ответил я. – Как и ты.

04. Прекрасный новый мир

– Как и все мы, – согласился мужик. – Рассказывай...

Я секунду помолчал, обдумывая, что сказать, а потом ответил.

– Я не сделал тебе ничего плохого. Отпусти меня... Пожалуйста.

– О как! – удивился бородач. – Отпустить?

Я кивнул.

– И тебе неинтересно, что происходит вокруг?

– Ничего хорошего?

– Верно. Что у тебя за тряпка на башке намотана?

Почему-то стало понятно, что я влип в неприятности.

– Наволочка...

– Снимай.

Я стоял, не шевелясь. Исполнять приказы этого амбала мне не хотелось, но я безоружен.

– Снимай–снимай...

Он подбодрил меня тем, что повёл стволом автомата. Заторможенно я стащил с головы прохладный шёлк и сунул наволочку в карман. Стоять под прицелом заряженного и снятого с предохранителя оружия – такое себе удовольствие.

– Ща я тебе расскажу, как всё было, – тихо, но бодро сказал мне мужик. – Ты вышел на работу и что-то там охранял.

Затем сгустился кислый туман, пропала связь и электричество. А потом окружающие начали слетать с катушек. Сначала просто ругались и дрались, после этого и вовсе стали неадекватными. Начали кусаться, а после этого пришли развитые твари. Сейчас ты один и выбираешься из своего убежища только за провизией, потому что надеешься пересидеть это нашествие, так?

Я молча кивнул. Зачем мне разубеждать его?

– Ты уже видел звёздное небо? Чужое звёздное небо?

Я чуть было не покачал отрицательно головой, но вовремя спохватился и кивнул.

– Что думаешь по этому поводу?

Я неопределённо пожал плечами.

– Это другой мир, парень.

Вот что ответить? Пришлось снова промолчать.

– Голова болит? Подташнивает?

Действительно, ощущалось общее недомогание и болела голова.

– Да...

– Вот, – он снял с пояса и дал мне флягу. – Сделай три глотка.

– Что это? – недоверчиво поинтересовался я.

Ствол автомата всё ещё был нацелен мне в живот, а палец незнакомца спокойно лежал на спусковом крючке.

– Лекарство это, – пояснил он. – Только не нюхай, а так выпей.

Даже если это разведённое сильнодействующее слабительное, выпить придётся. Я не стал кривляться и сделал три глотка.

– Фу... Ну и бурда!..

– Не бурда, а живун, – поправил мужик уже вполне добродушно, но автомат не убрал.

– Ты совсем свежий? Ни с кем до меня не общался? И Дар не прорезался в тебе ещё?

– Нет...

– Мне нужно отлежаться пару дней. Пригласишь меня в своё убежище?

Я задумался. Логика подсказывала, что здание химчистки не лучшее место, чтобы лечь на дно и не отсвечивать, да и никакое это не убежище. Я такое себе найду и легко.

– Да...

– Хорошо. Тогда веди.

– Надо набрать еды.

– Я отнёс твои пакеты вон за тот прилавок.

– Можно их взять?

– Конечно, – расплылся в улыбке мужик, видимо, почувствовавший себя победителем по жизни. – Ещё это прихватим...

Он сунул по литровой бутылке коньяка в карманы своих брюк.

Мы покинули магазин через заднюю дверь. Вернее как... собирались, но не покинули, потому что во дворе нас под-

жидал здоровенный монстр. Метра под два с половиной.

Мужик сделал шаг назад и тихо прикрыл дверь.

– Если издашь хоть звук, я прострелю тебе ногу и выкину из скрыта. Усёк?

– Да...

Здоровенный монстр с лопатообразными лапами, как у гориллы, без видимого усилия разрывал крыши припаркованных в вечной пробке машин, вынимал из них зомбаков, не догадавшихся вылезти, и отправлял их в огромную пасть. Я видел тварь меньше минуты, но достаточно долго, однако запомнились почему-то только клыки в его пасти, с одинаковой лёгкостью перемалывающие одежду, мясо, хрящи и кости.

– Он нас не увидит, пока мы под даром, но, если услышит, будет искать, пока не найдёт. Смотри, куда ставишь свои ходули...

Мы вышли с парадного выхода и добрались до химчистки, однако вход был с другой стороны. Монстр за это время переместился ещё дальше, так что нам удалось войти тихо и не обнаружить себя.

Через несколько минут мы уже сидели в кабинете директора. Незнакомец развалился в кресле и закинул ноги на стол. Распечатав бутылку коньяка, он пил его из горлышка небольшими глотками.

– Будешь? – спросил он меня.

– Нет...

Откровенно говоря, мне было не до алкоголя. Мир мой сломался. Я не понимал, где я, да ещё не помнил, кто я. Вчера меня чуть не съели. Сегодня угрожали автоматом. Что ещё? Ах да! Снаружи бродит чудовище, играючи раздирающее металл легковых автомобилей, как картон. Для полного счастья мне ещё осталось накатить литровый снаряд коньяка и...

Откуда это? Я только что назвал во внутреннем монологе бутылку снарядом. Хотя какая разница? Не до того сейчас.

– Зачем? – неожиданно даже для самого себя спросил я.

– Что «зачем»?

– Ты помог мне. Зачем тебе это надо?

– Здесь считается хорошей приметой помочь свежаку. Времени на этом кластере ты провёл солидно и не переродился в заражённого. А что это значит?

– Что? – снова спросил я.

– То, что ты иммунный, – опять сыграл в Капитана Очевидность мужик. – Вот что.

У меня чуть не вырвался вопрос: «И что?», но я придержал язык за зубами. У него калаш, а у меня только острое слово.

Мы помолчали, потом он хлебнул коньяка и сообщил.

– Этот кластер скоро пойдёт на перезагрузку. Спим три—четыре часа и уходим.

– Я не понимаю ничего про кластеры и вот это всё.

– Сейчас... – мужик порылся в кармашках своего тури-

стического рюкзака и вытащил из него небольшую брошюрку.

– Я спать, – сказал он. – А ты, если хочешь, почитай пока.

– Дай, пожалуйста, ещё своего лекарства хлебнуть.

– Держи, – он протянул флягу, – но частить с живуном не советую. Могут быть побочки не самые приятные.

– Спасибо, – я вернул напиток. – Буду в бытовке.

– Давай...

Мои тихие шаги отдавались под потолком. Бытовку сотрудников я знатно загадил. Меня тут стошнило, да ещё валжлся костюм, превратившийся в лохмотья, он добавлял своих запахов в общее амбре. Потоптавшись пару секунд, я посмотрел на вонючий диван, бросил на него все тряпки, чтобы не спотыкаться о них, и отправился в каморку механика. Там стояло вполне удобное кресло, на котором можно было немного подремать.

Я разглядывал оказавшуюся в руках небольшую книжицу, собранную из обычных листов формата А4, разрезанных пополам и по-простецки скреплённых скобами из офисного степлера. Как он сказал? «Другой мир»? Так вот, на иномирный артефакт самоделка не тянула – выглядела она совершенно несолидно и вызывала мысли о розыгрыше.

Открыл. Пошелестел страницами. Шрифт был мелкий, убористый, язык сухой. Вся информация из брошюры вошла в меня быстро, как в сухую землю. Я даже забыл, что читать слишком темно, так как глаза прекрасно видели.

Минут двадцать у меня ушло на то, чтобы узнать всю теорию о видах заражённых, кластерах, Дарах, способе приготовления живуна и гороховки. Но в книжечке не было главного – что со мной? Почему я потерял память? Почему я боюсь солнечного света? Что за энергию я чувствую? Почему стал так хорошо видеть в темноте, что с лёгкостью прочёл убористый шрифт в подсобке без окон, где темно, должно быть, даже в солнечный день?

Поверил ли я написанному в самодельной книжице? А какой у меня был выбор?

По дороге назад я видел ночное небо, которое отличалось от земного. Монстры, зомби и живун, который мне помог, наполнил тело энергией, а мышцы силой. Голова прошла, меня больше не тошнило. Есть, правда, снова захотелось, но это как раз пока не было проблемой. Я вскрыл нарезку бекона и сыра, пошелестел вакуумной упаковкой обезвоженных хлебцев и соорудил себе бутерброды. Запил всё минералкой.

Пока ел, даже не почувствовал, как вывалились два зуба. Поначалу я испугался и опечалился, но потом нащупал, что на смену выпавшим уже растут новые острые гребешки. Об один я больно уколол подушечку пальца. Надо будет спросить у мужика... Странно: он не представился, да и моего имени гость не спросил. Всё равно надо будет у него уточнить, что со мной происходит. Вдруг он знает... За всеми этими занятиями я увидел, как начался рассвет. Надел наволочку на голову, просто на всякий случай, чтобы солнечные

лучи даже случайно не коснулись ставшей болезненно чувствительной кожи.

Я сидел в кресле, погружившись в полное безмолвие и наблюдая за игрой теней, отбрасываемых листьями за окном, которое я так и не смог закрыть.

Вот и всё. Приехали!

Я в другом мире. Надежды на возвращение к прежней жизни нет. От этого было невыразимо горько, но вместе с тем того себя я с собой нынешним уже не ассоциировал. Вот он я. Я здесь. Может, я и был когда-то Арком – Аркадием Солнечниковым, проблемой которого была невеста не того цвета кожи. Но теперь я не чувствую себя им. Я не он. Больше не он. Под шёпот этих нехитрых мыслей веки сомкнулись, ко мне снова пришла она – его Лия.

05. Лия

Строить из себя кого-то другого, показывать себя только с лучшей стороны, подстраиваться под «идеал»... Зачем? Ведь, в конце концов, маски падают, а под ними – правда.

И эта правда далеко не всегда будет приятной и правильной.

Лия надеялась разорвать этот круг и показать другим выход из петли, что закручивается вокруг африканских народов. Но сейчас... сейчас она могла лишь улыбаться, как дурочка, смотря в глаза любимому человеку.

Они отлично смотрелись вместе, белокожий блондин и стройная чернокожая девушка. И сейчас за этой парой наблюдали жители дома, у подъезда которого разыгралась сцена. Люди до сих пор не привыкли к иностранцам на улицах, тем более таким, как Лия.

Но привычную хмурость на лицах северян ломала её солнечная улыбка.

– Отец против нашего брака, – ответил Арк. – Меня лишат доступа к ресурсам нашей семьи. Возможно, вычеркнут из завещания. Но мы оба взрослые люди. У тебя и у меня есть работа, справимся. И... И у меня есть ещё один сюрприз для тебя. Идём!

Он увлёк девушку за собой. Машина послушно встала на сигнализацию, подмигнув напоследок габаритами. Привет-

ливо пискнул кодовый замок на двери подъезда. Лифт вздыхая и кряхтя, словно пожилой человек, поднял пару на тринадцатый этаж.

– Ну вот, – немного смущённо сообщил Солнечников. – Тут и будем начинать вить наше семейное гнёздышко.

Он не знал, как его невеста отреагирует на скромность жилплощади, потому не дал ей вставить и слова.

– Двушка, семьдесят метров, лоджия, отдельные ванна и туалет, кухня полностью упакована, остальной мебели нет, аренда – тысяча юаней в месяц.

Его внешнее спокойствие не могло обмануть Лию, льдисто-голубые глаза смотрели на неё с ожиданием, напряжённо. Понравится ли ей?

– Пятнадцать минут пешком до метро и десять до набережной. Сможешь там заниматься своей йогой хоть каждое утро, – зашёл он с козырей и тут же с надеждой спросил: – Тебе нравится, малыш?

Чем для него было супружество? Ответственностью. Но если до встречи с Лией он этой ответственности избегал, то сейчас готов был нести это бремя.

Внезапно Арк понял, что не дышит уже с минуту. Как-то незаметно он затаил дыхание, наблюдая, как его эфиопская принцесса плавной походкой пошла осматривать новое владение. Бёдра девушки изящно покачивались в такт пружинистым шагам.

«Какая она всё-таки славная!» – поднялась изнутри волна

восторга, когда мужчина поймал в фокус зрения её точёный профиль.

– Ты даже помнишь про йогу, Арк? – рассмеялась Лия, глядя на царские хоромы, где ей предложили руку и сердце. – Неожиданно. Ты так всегда на меня смотрел, когда я расстилала свои коврики. А в итоге... даже сам вспомнил!

Она ткнула собеседника пальчиком в грудь. Улыбка её сверкала, как солнце. Лия осматривала небольшую, по меркам Арка, квартиру и старалась не смеяться от понимания того, что для абсолютного большинства жителей этого города эти две комнаты, кухня и санузел фактически были бы верхом мечтаний.

– Вот только ты врёшь, дорогой, – подмигнула она, отстраняясь. – Здесь семнадцать минут до метро. Я ходила из этого района, когда жила в общежитии неподалёку.

Лие было хорошо и так легко. Она внимательно огляделась, ища что-то очень важное для неё, но не самое популярное здесь и сейчас. Но кое-что всё же нашлось. Музыкальный центр. Она улыбнулась ещё шире и с обожанием посмотрела на парня, который по-прежнему стоял в комнате, наблюдая за движениями своей ненаглядной.

А та пробежалась пальчиками по старым, механически связанным с деталями считывающего устройства кнопкам, открывая лючок для компакт-дисков, что уже давно вышли из моды и обихода. Но Лия продолжала поиски. Ведь рядом с музыкальным центром стояла целая вереница коробочек с

этими самыми круглыми носителями музыкальных файлов. И вот девушка достала один из них, вставила его в считывающее устройство, закрыла крышку, с хитринкой в чёрных глазницах посмотрела на Арка и включила воспроизведение.

– Готов?

После этого зазвучала музыка:

Куда бы ни приплыл моряк,
За золото и серебро
Его везде поднимут флаг,
Ему всегда нальют вино.
Когда моряк на берегу,
Все девушки бегут к нему.
Они сигают из штанов,
Меняя деньги на любовь...

Альбом сорокалетней давности. Музыка, которая проникла прямо в глубину души. Но возможно ли танцевать под нее? Как оказалось, да! Ведь именно этим и занялась Лия, двигаясь в такт мелодии. Плавно и тягуче. Тихий голос, мягкие звуки инструментов и красота танца.

Слова, проникающие прямо в самую суть.

– Ну что стоишь, Арк? Присоединяйся! Мы же только что обручились! Почему бы и не станцевать? – смеясь и улыбаясь, позвала Лия, протягивая руку.

– Какая-то старая песня, – улыбнулся подошедший вплот-

ную к возлюбленной мужчина. – Может, поставишь музыку, полную африканской страсти?

Танцевал Арк немногим хуже, чем пел, а пел он только в подпитии и только когда очень просили. Ни один из тех, кто просил, больше попыток привлечь Солнечникова к вокальным упражнениям не повторял.

Даже когда был кадетом, во время исполнения строевых песен он старался компенсировать отсутствие музыкального слуха количеством выдаваемых децибел. Проще говоря, орал строевую песню так, что надувались от старания жилы на заднице.

Оказавшись рядом с невестой, он начал нелепо двигать тазом и локтями, демонстрируя полное отсутствие пластики.

В такие моменты Арк особенно остро понимал, что отличается от экзотической красотки, как негатив от позитива, и внешность – последнее, что его волновало. Лия была очень одарённой, музыкальной и, несомненно, талантливой, а он... Ну, он умел немusикально орать песни. Лия была очень свободолобива и эмоциональна, Солнечников умел ходить строем. Сомнения накрывали Арка с головой, но, когда мужчина видел свою эфиопскую принцессу, он забывал и о сомнениях, и о... да вообще обо всём. Казалось, что рядом с ней он становится в сотню раз сильнее и даже чуточку музыкальнее.

Ночь прошла словно в тумане. Молодые люди успокоились и уснули только под утро. День также не обещал сюр-

призов, однако они всё-таки случились и оказались не самыми приятными.

06. Схватка

Спал поверхностно и чутко, но сон, который я видел, был ярким и красочным. Он казался более реальным, чем моё нынешнее чёрно-белое существование. В разуме всё ещё витали обрывки каких-то планов, робкие тени мыслей и бледные призраки надежд того Арка. Развалившись в старом продавленном кресле, я откровенно бессмысленно пялился на покрытые потрескавшейся краской стены, на освещённый утренними лучами не очень чистый линолеум главного цеха.

Сколько я спал? Несколько часов. Нет, больше, ведь задремал я, когда заря только окрасила горизонт. Сейчас всё ещё утро. Видимо, отдых продлился недолго, но мне хватило и этого.

Чувствовал я себя всё ещё далёким от нормы, однако спать больше не хотелось. Помогло «лекарство», которое дал мне случайный встречный, или роль сыграли обильная пища и какой-никакой отдых, было неясно, тем не менее мне стало значительно лучше.

Поднявшееся было настроение вновь обрушилось после того, как я попил минералки и обнаружил, что шатается ещё один зуб. Если так и дальше пойдёт, то ходить мне беззубым. Конечно, отрастут новые, но, пока это произойдет, мне будет нечем жевать. В промышленном помещении царила тишина, и я решил ещё подремать, но сон упорно не шёл. В голову

лезли различные непрошенные мысли, самой гадкой из коих была нашёптывающая, что всё, окружающее меня, нереально, и дело во мне, съехавшем с катушек из-за размаха большой фантазии. Теплилась робкая надежда – может, происходящее вокруг – забористая галлюцинация, усугублённая амнезией? Ага... А чья отрубленная рука валяется у двери заднего входа? Неужели я оттяпал конечность санитару из дурдома? Это, скорее, уже лапа, и она более чем реальна и на плод воображения совсем не походит.

А незнакомый мужик, давший мне выпить живуна? Ведь он-то вполне реален. Брошюрка до сих пор у меня в кармане лежит, она тоже осязаема и вещественна. Я, конечно, не стану утверждать, что с ума сходят поодиночке, ведь была «эпидемия» психических расстройств в Матушке России на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков. Называлась она почти ласково – «кликушество». Утверждают, что психика людей не выдержала церковных реформ, так как церковь воспринималась чем-то постоянным и незыблемым. Может, и так, но было это очень давно, и что вызвало психические отклонения, точно неизвестно.

Вот... Откуда? Я не помню имени своего лучшего друга, даже не уверен до конца, что прекрасная Лия, являющаяся мне во снах – моя невеста, а эту ненужную информацию мозг прямо-таки пожевал – пожевал да и выплюнул в общий поток мыслей. Зачем мне это сейчас?

Итак, то обстоятельство, что я попал в другой мир, я при-

нял только умом. Осознания этого факта пока нет. Видимо, из-за того, что я стараюсь отмахнуться от суровой реальности, у меня сохраняется ощущение, что я наблюдаю за собой со стороны.

Было стойкое впечатление, что я вижу кино или являюсь жертвой чудовищного розыгрыша. Вместе с тем я понимал, что ни один розыгрыш не зайдёт так далеко, чтобы получились отрубленные конечности, а отнятая ржавым топором рука пылилась неподалеку. В этом я убедился самолично. Меня передёрнуло от отвращения.

Выпил ещё минеральной воды и понял – всё, больше не заснуть. Меня раздирало любопытство, но надо было дать выспаться встреченному мной мужику, прежде чем задать ему те вопросы, что толкались в голове.

Я сидел в кресле, размышляя и наблюдая за игрой света, пробивающегося через листву росшего рядом со зданием дерева. Мне показалось, что что-то не так. Понять, что конкретно меня насторожило, не получилось. А потом, как молотком по башке, пришло понимание – тень была неправильная!

Простой беглый взгляд ни за что не отыскал бы в едва заметном блёклом и медленнодвигающемся пятне тень крадущегося вооружённого человека. Неужели я обнаружил своего «гостя» под его Даром скрыта? Как работает эта способность, я уже знал и видел, как тень прокралась мимо меня в сторону бытовки. Как только «гость» миновал меня, я встал

и, прежде чем аккуратно посмотреть из мастерской, что тот собрался делать, поднял прислонённый к креслу топор.

Первой мыслью было: «Хочет напугать спящего меня!», а второй: «Вдруг – нет?». Затаившись в тени, я увидел, как мужик проявился из скрыта, прицелился из автомата и три раза выстрелил по дивану. В темноте скинутый на вчерашнее лежбище ворох одежды легко было принять за спящего человека.

– Фу... Воньца... Атомиты, мля... Как звери... Где спать, там и срать... – пробормотал мой несостоявшийся убийца, зажимая нос. Калаш висел у него на шее, правой рукой мужик удерживал оружие. Палец на спуске. «Гость» готов начать стрелять в любой момент. Левой рукой трейсер достал фонарь.

Что делать? При свете он быстро поймёт, что продырявил просиженный диван. Нужно что-то делать прямо сейчас. Сердце пустилось в галоп и застучало так громко, что я удивился, как это враг не услышал этот звук. Несколько раз щёлкнув фонарём, мужик, наконец, добыл тусклый луч света, а я переложил топор во вспотевшую левую ладонь. На верстаке лежал молоток. Пока враг не понял, что видит, я тихо шагнул из тени.

Замах, бросок... Бац!

Молоток только кажется лёгким, а когда он прилетает в череп... Метнул я его от души, со всей пролетарской ненавистью. И попал. Хорошо попал. Звук удара о кость пошёл

по всему цеху. Вражина выронил фонарь и закрыл лицо руками. Увы, вырубить противника не получилось. Палец мужика дёрнулся и нажал на спуск. Автомат выплюнул длинную очередь. К счастью, все пули ушли в бытовку. Что-то разбилось, что-то упало, раздался визг рикошетов.

Я рванул вперёд, но на полпути замешкался – мужик пропал. Через один удар сердца я понял, что он воспользовался своим сверхъестественным Даром и бросился дальше, однако момент внезапности был утрачен. Обух топора не нашёл цель и бесполезно взрезал воздух.

Чисто по наитию я отпрыгнул с места назад и – вовремя! Раздался выстрел! В ушах отчаянно зазвенело, но по звуку я сориентировался и определил местоположение противника, а потом прыгнул.

Сокрушительный удар прикладом в лицо отбросил меня на пол. Мой рот наполнился кровью и обломками зубов, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Но разлёживаться было нельзя. Превозмогая себя, я перекатился, и снова удачно. Раздалась короткая очередь. Пули пробили и разлохматили линолеум на том месте, где я только что валялся. Звук выстрелов, прокатившийся эхом по помещению, опять указал мне, где спрятался противник. Вскочив на ноги, я метнул топор и сразу отскочил в сторону, но это было излишне. На этот раз я попал!

Не могу сказать, что умею бросать топор... Откуда? Ведь метать его мне не приходилось ни разу в жизни. Да и не

острой частью он попал, а ударил врага обухом куда-то в грудь или даже солнечное сплетение. Мужик вывалился из скрита и скорчился на полу, силясь сделать хотя бы один вдох. Я набросился на противника, вырвал из его ослабевших рук калаш и, не задумываясь, от души ударил врага прикладом в лицо. Что-то там влажно хрустнуло.

В каморке механика я видел пластиковые хомуты, ими я стянул руки и ноги мужика, пока тот находился без сознания.

Только после этого, сплевывая наполняющую рот кровь, я разоружил противника и опустошил его карманы. Больше всего мне, конечно, хотелось придушить вероломную тварь или вцепиться зубами в горло мужика и загрызть несостоявшегося убийцу. Взять себя под контроль удалось с трудом. Кровавый туман перед глазами и kloкочущий в груди гнев не желали отступать несколько минут. Кто-то скажет, что это немного. Однако это не совсем так, верней, совсем не так. За несколько минут с беззащитным человеком можно сделать очень и очень многое.

Уговорил я себя оставить в покое пленника только тем, что эта тварь мне ещё нужна. Мужик должен ответить на ряд вопросов. Что делать с ним дальше, я решу потом. Успокоившись, я пошёл отмываться от крови.

07. Допрос

Удивительно, но мои руки легко, быстро и привычно разобрали и обратно собрали калаш, словно я занимался этим далеко не первый раз. Я внимательно осмотрел пистолет, внешне напоминавший грубую копию революционного «Маузера». Откуда во мне был навык обращения с оружием? Я напрягся, пытаюсь вспомнить хоть что-то, но добился только того, что в висках застучало. Я действовал по инерции, моторика не подводила меня, а сознание в такие моменты из-за сработавшей блокировки превращалось в белый шум, не позволяющий мне избавиться от пелены неизвестности.

Хотя я прекрасно понял, что калаш – это какая-то гражданская версия легендарного оружия, только переделанная под калибр .410 «Магнум». Ожидаемо, что больше никаких боеприпасов при мужике не нашлось – только два вида четырехдесятих «Магнумов»: экспансивные, с двумя крестовыми прорезями на пуле, чтобы увеличить останавливающее действие, и бронебойные, с остроконечной пулей в стальной оболочке, вероятно, и с бронебойным сердечником. В совокупности россыпью по карманам нашлось приблизительно штук сорок, а еще я обнаружил несколько двадцатизарядных магазинов к калашу. Ствол автомата оказался нарезным; это позволяло догадаться: бронебойный из такого оружия про-

бьёт оленя вдоль, а экспансивный огорчит, наверное, даже медведя.

Пистолет был также под этот калибр. Ствол достаточно длинный, чтобы вести прицельную стрельбу на средней дистанции. Оружие оснастили плечевым упором. Но зачем такие сложности с пистолетом, мой разум понять отказался.

Помимо огнестрела, нашёлся неказистый, но добротный и невероятно острый самопальный тесак из рессорной стали с клинком сантиметров в пятьдесят. Также пятнадцать споранов, две горошины и три шприца—тюбика с мутным желтоватым содержимым я извлек из потёртой оранжевой пластмассовой коробочки АИ-1.

Откуда я узнал, что эти два вида шариков называются споранами и горошинами? Да из той брошюрки, которую подогнал мне мужик, когда втирался в доверие.

Пока я возился с оружием и добычей, мужик успел прийти в себя и недобро на меня посмотрел, но сделал это молча. Лишь сопел громко, то и дело проверяя путы на прочность. Бесплезно, впрочем...

Пока руки привычно чистили пистолет, на боку которого было выдавлено название «S. T. A. L. K. E. R.», я снова задумался. Никаких ассоциаций, воспоминаний или догадок. В голове пусто, как в барабане.

Получается, что помню я из своей прошлой жизни очень многое, особенно то, что связано с моторикой и двигательными рефлексами, так как мне не пришлось заново учиться

ся ходить и говорить. Вместе с тем в памяти зияли колоссальные провалы. Касались они базовых вопросов обо мне самом.

Я обратил внимание на мужика. Пленник пялился на меня одним глазом – второй заплыл эпического размера синяком. Бровь мужика была рассечена. Из раны и разбитого смещенного в сторону носа уже натекла приличная лужа крови. Хорошо же я отделал противника! Злость снова всколыхнулась во мне чёрной волной. Я поступил правильно с ним, нечего было покушаться на меня. Не сделал я ничего плохого, просто защитился от убийцы.

– Убьёшь? – спросил он меня, словно прочитав мои недобрые мысли.

Я не ответил, занявшись сборкой “Сталкера”. Пистолет был тяжёлым, из-за чего он мне не понравился, но выбирать особо не из чего, так что пойдёт и такое оружие на первое время. С минуту или около того я возился со “Сталкером”. Вопрос пленника повис в воздухе. Вбив магазин на место и поставив оружие на предохранитель, я снова глянул на пленника.

– Возможно, – ответил я, но эффект из-за выбитых и переломанных зубов вышел не тем, на который я рассчитывал. – Восможно, и нет. Сависит от того, што и как ты ответишь на мои вопросы.

– Какой мне смысл отвечать, если так и так кокнешь?

– Умереть мошно тоше по-расному, – спокойно ответил

я. – Мошно – от пули в голову, а можшно – подвешенным са
руки, пошираемым пустышами.

Я секунд двадцать холодно и пристально изучал пленни-
ка, а затем добавил:

– А мошно не умирать, а попробовать дойти туда, откуда
пришёл...

Мужик поморщился от недомогания, а я глотнул из его
фляги живуна и почувствовал, что боль есть, но такая... Ско-
рее, не боль, а неприятные ощущения, хотя прикладом в ли-
цо я тоже получил от противника.

– Ты отпустишь меня? – в голосе связанного бородача
проскользнула едва уловимая надежда.

Вот оно. Мостик между нами – его желание жить.

– Откуда ты?

– Пошёл ты!..

Мужик для убедительности попытался плюнуть в мою
сторону, но харча напололам с кровью повисла на его же бо-
роде. Нет, так дело не пойдёт. Я взял тесак, подошел к плен-
нику и быстрым движением отрезал ему ухо. Когда тот про-
орался, я снова задал вопрос:

– Следующей отрублю тебе ступню на ноге, если мне не
понравится ответ. Посмотрим, как ты без неё поковыляешь
назад. Ты откуда?

– Я... Я...

– Головка от часов «Заря», – перебил я раненого, снова
вставая со скрипучего стула.

– Я из Приморского...

– Что это – Приморский? – уточнил я.

– Стаб, крупный стаб.

– Где он находится?

– Больше трёхсот километров на северо-запад...

– Что ты так далеко делаешь от стаба?

– Я трейсер...

– Кто?

– Тут так называют охотников на заражённых и...

Он колебался несколько десятков секунд, и мне надоело. Я подхватил ржавый топор и подался вперед, стул опять устрашающе закрипел.

– Левая или правая? – поинтересовался я.

– Что?

– Какая ступня тебе менее дорога?

– Стой! Стой! Стой... Да стой же ты! Я простой трейсер!

Валю заражённых за спораны!

– Сарашённых и... ?

– И атомитов, – сказал он упавшим голосом.

Ну вот мы и подошли к самому важному.

– Так ты назвал меня, когда думал, что я мёртв. Кто такие атомиты?

– Обычно так называют иммунных, мутировавших под действием радиации...

Мужик запнулся, а я сел и откинулся на спинку стула, чтобы не висеть над ним с топором и не нервировать.

– Каким образом мутировавших? – спросил я, с трудом сохраняя беспристрастное выражение лица.

Что такое мутации, я помнил. В школе показывали картинки мушек. На их примере объяснялось, что мутации редко кому-то идут на пользу. Настолько редко, что можно процентом успешных мутаций пренебречь как стремящимся к бесконечно малым величинам.

– По-разному бывает, но в основном они деградируют башкой. Теряют человеческий облик, но это не так важно для многих. Я знаю нескольких торговцев, которые ведут дела с нормальными атомитами. Среди иммунных есть квазы, они тоже на лицо ужасные, но внутри нормальные. Почти как люди. У атомитов часто облик может почти не измениться, но внутренне вы перерождаетесь.

– Поясни...

– Атомиты становятся как звери в человеческом обличье или как недоразвитые. Света начинают бояться в большинстве своём, из-за этого одеваются во всё чёрное и желательно с капюшоном. Лица закрывают.

– Насколько сильно проседают когнитивные способности?

– Когни... Чего? – мужик выпучился на меня единственным здоровым глазом.

– Насколько сильно глупеют атомиты?

– А... Вон ты о чём... Очень по-разному, но, как правило, у них башка сильно течёт. Некоторые напоминают зара-

жённных, только атомиты слабее. Другие способны освоить дубину, копьё, пращу, лук или арбалет. Самые умники могут с огнестрельным оружием обращаться, границами и всяким разным. Из-за потери памяти дерутся прямолинейно, но компенсируют это живучестью, невосприимчивостью к боли и звериной жестокостью. Пощады от них ждать не приходится, но и сами они о ней не просят...

– Атомитам имеет смысл просить пощады? – осадил я разговарившегося мужика.

– Нет, – подумав, ответил он. – Атомиты сами по себе и против всех. Они неудобны для остальных. Даже для других атомитов.

Я кивнул собственным мыслям.

– Почему ты принял меня за атомита?

– Всё сошлось. Кластер этот граничит с радиоактивным местом. Тут могут появляться рад-заражённые, а они опаснее обычных будут. А ты вёл себя странно, словно тебе до этого дела нет... Язвочки ещё эти на лице, взгляд дикий, мешок на голове. Даже на руках перчатки...

– Из-за этого ты решил меня убить? – спокойно спросил я, закипая внутри. – Я ведь не сделал тебе плохого. Почему?

Мужик выглядел растерянным, но потом посмотрел на стоящий у моих ног топор и ответил, словно нырнул с головой в омут.

– Атомиты людоеды. Мне ждать надо было, когда ты меня попытаешься съесть? Я ночь не спал, сидел с «Сайгой»,

караулил.

– Почему сразу не убил? – заинтересовался я.

– Нельзя свежих обижать. Я не был уверен. Нужно было убедиться...

– Убедился?

– Да. Ты точно атомит.

– Почему? – стало любопытно мне.

– Ты по репе получил прикладом и остался боеспособен...

Ну теперь-то я вижу, что ты нормальный, братан, – зачистил пленник. – Давай миром решим. Знаю кое-какие темы. Споранчиков поднимем...

– Ты трейсер, – утвердительно произнёс я. – Всегда охотишься один?

– Нет.

– Где остальные?

– Мертвы...

– Почему ты выжил? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Так получилось...

Хищная ухмылка изогнула мои разбитые губы, но с выбитыми и переломанными зубами зрелище получилось, наверное, жалким. Однако пленника проняло.

– Хороший у тебя Дар... Ты способен выжить там, где все гибнут, да? – вкрадчиво уточнил я. – Но из-за него я не могу тебя отпустить. Ты стрелял в меня, когда думал, что я сплю. Что тебе стоит применить Дар, обойти квартал кругом и вернуться, чтобы под прикрытием прикончить меня? Зря ты при-

шёл на землю атомитов... братан...

Я выхватил пистолет из кобуры и выстрелил пленнику в голову. Тяжёлая пуля ружейного калибра разнесла череп неудачливого трейсера. Фейерверк из брызг крови и ошметков мозгов мужика получился впечатляющим и жутким.

08. Неожиданный вызов

Лия проснулась, потянулась, улыбнулась. Коротко и легко перешла ото сна к яви, как и всегда, за что её Арк часто называл чёрной ведьмой. Но Лия привыкла вставать с первыми лучами солнца. Это не доставляло ей никаких неудобств, а вот мужчина точно жаворонком не являлся. Нет, Арк мог встать и до рассвета, и среди ночи, но, если ему не удалось выспаться, мужчина пребывал в мрачном расположении духа.

Чёрное солнце улыбалась солнцу жёлтому, хотя технически красное солнце плавало по земному небосводу, но все привыкли называть его жёлтым. Так уж сложилось.

Пританцовывая, Лия пошла по квартире, шлёпая босыми ногами по ламинату. Что-то мурлыкая под нос, осела, в конце концов, на кухне. Там тут же что-то зашкварчало, забулькала и начало жариться. Понеслись ароматы и запахи, заполняя квартиру предвестием вкусной еды.

Вот только идиллию утра нарушил звонок. Запищал и завибрировал коммуникатор Арка, требуя внимания всеми возможными способами.

Настойчиво и безапелляционно разрушитель спокойствия трезвонил и трезвонил. Лия нахмурилась, наморщив лобик. Накрутила локон на палец и отправилась на поиск и поимку нарушителя.

Вскоре коммуникатор нашёлся в куче одежды, небрежно брошенной у входа в зал, где вчера влюбленные слушали музыку. Приятные воспоминания заставили девушку улыбнуться, она погладила пальцем сенсорный экран, на что комм неожиданно для самой Лии ответил разрешением на просмотр. Увидев иконку с логотипом компании, в которой работал возлюбленный, она мотнула головой и метнулась в спальню, где ещё спал Солнечников.

– Эй, Арк, проснись! Тебе, кажется, босс звонит. Видимо, что-то срочное! – она растормошила упорно не желавшего встать Аркадия. – Или мне ему ответить, сообщив, что его начальник отдела продаж отдыхает после бурной ночи?

Эта угроза, похоже, возымела эффект: глаза мужчины задрогали и через пару мгновений распахнулись.

Но Лия ошиблась. Это был не босс, хотя звонили с работы.

Как «Адамос Инс» была подписана в книге контактов Катя Ремор – топ-менеджмент. Арк взглянул на экран и отметил, что на часах 5:54. Не рановато ли для звонка с работы?

– Солнечников. Слушаю, – принял звонок мужчина.

– Аркадий, доброе утро! – бодро и преувеличенно жизне-радостно зачастила женщина на том конце линии.

– Доброе утро, Катя!

В компании «Адамос», в которой Арк трудился уже почти год, было не принято обращаться друг к другу по имени-отчеству. Из-за этого мужчина иногда чувствовал себя не в своей тарелке.

Катя – спортивная, стильная, нарочито ненатуральная блондинка с короткой модельной причёской и выразительными тёмно-карими, почти чёрными, глазами. Несмотря на то что босс департамента персонала умудрялась выглядеть на двадцать пять, эта крепкозаядая любительница фитнеса уже разменяла третий десяток и уверенно приближалась к четвёртому, если уже не перешагнула через этот порог. Моложавая женщина, которая была почти в два раза старше девятнадцатилетнего Арка, навязчиво просила называть её «Катей». Не «Екатериной», а именно «Катей»!

С одной стороны, такие порядки действительно сокращали социальную дистанцию между сотрудниками. С другой – из-за этого очень просто было пересечь черту и дойти до панибратства. А что может быть хуже панибратства с твоими подчинёнными? Как потом с них требовать выполнения твоих распоряжений? Конечно, может, он слишком молод ещё... да и на руководящей должности меньше года, но такие способы управления ему не нравились.

Солнечников вдруг поймал себя на мысли, что пропустил несколько первых фраз, разглядывая своё лицо в зеркале на предмет небритости.

– Простите, что? – переспросил Арк.

– Не проснулись ещё? – захихикала Катя. – Ну и любитель же вы поспать!

Раздражение от раннего звонка чуть не заставило сказать какую-нибудь гадость, но Арк стоически сдержался. Раньше

Ремор в пустой болтовне замечена не была. У неё к мужчине какое-то дело, требующее срочного вмешательства Арка, поэтому Катя никакого неудобства не испытывала, названивая в пять с лишним утра. Фоном разговора были автомобильное гудение и чей-то мат. Всё ясно: она уже за рулём и куда-то мчит, скорее всего, не из дома, а из своего фитнес-клуба. Мужчина тоже любил спорт. Но вставать... Блин... А во сколько Катя вообще встаёт?

– Я спросила, Аркадий, в котором часу вы планируете сегодня появиться в офисе? – бодро повторила блондинка поставленным голосом.

– Как всегда, в восемь...

– Отлично! Давайте встретимся с самого утра. Сможете подойти ко мне в кабинет в восемь десять – восемь пятнадцать? С меня кофе! – прощбетала фитнес-няша.

Заряды наигранной бодрости и жизнелюбия собеседницы изрядно утомили Арка, он произнес сухо:

– Ловлю на слове, Катя.

Солнечников, не посчитав нужным попрощаться, завершил звонок.

Здание бизнес-центра, как всегда, встретило Арка холодным и бездушным блеском хромированной стали и отполированного сверкающего стекла. Стерильный прохладный

кондиционированный воздух, лишённый каких-либо запахов, и мёртвые муляжи растений в кадках. Наверняка неизвестный дизайнер помещений, когда творил эскиз дизайна внутренних помещений, подразумевал, что кусты будут живыми, но идея столкнулась с суровой реальностью.

«Капитализм, счастье, зашибись» и «Экономика должна быть экономной» – не единственные цитаты, которые напращивались на ум Арку, пришедшему на деловую встречу раньше на пять минут, пока он топтался у кабинета Кати и созерцал пластиковые листья ненастоящих тропических растений. Не то чтобы он был фанатом ботаники, но это было лучше, чем разглядывать преувеличенно бодрые лица кадровиков, набивавшихся в эргономичное рабочее пространство в стиле опенспейс. Один взгляд на офисный планктон навевал на мысли о тяжёлых стимулирующих веществах, словно их снова начали продавать в аптеках. Других ассоциаций попросту не рождалось. Ну не может так штырить от кофе!

Арк сначала услышал Катю. Мерный цокот металлических набоек на шпильках говорил об уверенности обладательницы походки. Она впечатывала каждый шаг, словно заколачивала гвозди в крышку очередного гроба.

“Какие-то не самые радужные ассоциации лезут в голову поутру!” – Солнечников ухмыльнулся своему мрачному ассоциативному ряду. Нужно было выспаться, но Лия была неутомима. Улыбка мужчины стала теплей и шире. Сколько

ему удалось перехватить? Часа три? Да... Но он всё равно удовлетворён, доволен собой и ситуацией, как лев, получивший свой законный трофей.

Катя выглядела... так же эффектно, как обычно выглядит Катя Ремор: стильная стрижка, живой выразительный взгляд, строгий чёрный юбочный костюм и контрастирующая с ним лёгкая до фривольности блузка. Образ завершала натянутая улыбка, декорированная ярко покрашенными губами. Когда эта фальшивая ухмылка, похожая на искусственные офисные растения, приклеилась к Кате? Хороший вопрос... Вероятно, уже довольно давно, так что она стала частью дресс-кода, сделав из человека киборга.

В «Адамосе» половина директоров были «блатными»: родственники родственников, друзья друзей, родственники друзей, любовницы, любовники, любовники друзей. Как на Ноевом Ковчеге, каждой твари по паре. Он и сам из так называемых «блатных». Директор «Адамоса» – друг отца по рыбалке, бане, охоте, гольф—клубу и бог знает чему ещё. А как Арк при другом раскладе отхватил бы место руководителя отдела в свои девятнадцать лет? Однако, в отличие от многих лентяев, он получал свои деньги не зря. Под руководством Солнечникова отдел заработал намного эффективнее, чем до него.

Насколько Арк знал, Ремор добилаь всего сама. Никакого блата, никакого секса с вышестоящими коллегами, только работа, только хард-кор. Катя – одна из немногих здесь

дам, кто был достоин уважения и в чьих профессиональных качествах сотрудники точно не сомневались.

– Доброе утро, – первой поприветствовала она мужчину, протягивая ему два больших стакана с обжигающим кофе на бумажной подставке.

Арк заставил себя улыбнуться в ответ, растягивая губы и обнажая крепкие зубы, и произнес:

– Здравствуйте, Катя. Как фитнес?

Мысленно Арк поморщился от своего преувеличенно бодрого голоса. Заразился он этой манерой поведения от Ремор, что ли? Может, пока он спокойненько пускал слюни на подушку и пузыри под одеяло, мир поразил вирус лицемерия, а фальшивые улыбки – только первый симптом?

09 Маяк

Я проснулся и несколько минут слепо смотрел в потолок. Сны. Такие яркие и такие подробные. Они не могут быть просто снами. Это даже не воспоминание, а прямо ощущение, словно я был там. Присутствовал, но произошло это с кем-то другим.

Весь остаток дня прошёл будто в тумане. Мне не верилось в то, что я теперь злобный, кровожадный и тупой, как пробка, атомит, который в любой момент может деградировать и утратить способность к мышлению, что равнозначно смерти.

С другой стороны, я чувствовал себя довольно сносно. Если, конечно, не брать в расчёт то, что все зубы начали шататься, а добрая половина из них выпала уже к ночи. Как и в случае с первым вывалившимся моляром, я тронул языком десну и на ощупь определил, что намечается обновление зубов. Вот только на месте старых моляров прорастали острые клыки или резцы.

Я разделся и придирчиво оглядел себя в зеркале. Никаких тентаклей, лишних пальцев, глаз, щупалец или половых органов в неожиданных местах не отросло. А прежние все были на своих природных местах и в порядке. Язвочки за день практически зажили и отвалились с меня чешуйками, пока я обтирался мокрым полотенцем. Особой силы или выносливости в себе я также не чувствовал. Тело всё ещё болело, но

проблем мне это уже не доставляло.

Из неожиданного – мне постоянно хотелось есть, но, может, это и нормально, ведь часть воспоминаний, содержащая мое попадание в Улей, исчезла; неизвестно, сколько я голодал до этого. Возможно, мой организм восполняет недостаток питательных веществ.

Брезентовый туристический рюкзак убитого трейсера оказался кладезем полезных для выживания вещей. В нем я обнаружил спальный мешок, каремат, несколько нулевых смен нижнего белья и носков, “запаянных” в полиэтилен, плащ-палатку, литровую бутылку водки, несколько банок говяжьей тушёнки, палку колбасы и, самое главное, патроны. Нашлись также сменный ствол для пистолета с интегрированным глушителем, средства для чистки и ухода за оружием, пулелейка и всё необходимое для снаряжения патронов четверста десятого калибра, что меня обрадовало ещё сильнее.

В найденном на дне рюкзака пакете россыпью валялись дробовые патроны на уточку, зайчика в пластиковой гильзе со скромной навеской пороха. В жестяной банке обнаружился и порох. Насколько я понял, трейсер своими руками делал себе из них боеприпасы с цельнолитой свинцовой пулей.

Качеством они были явно похуже магnumов, заряженных в Сайгу, однако трейсер их и не для Сайги мастерил, а для своего архаичного тяжёлого пистолета. С одной стороны, разумно – всё своё ношу с собой, а с другой... Таскать при себе

пистолет, который весит килограмм или даже чуть больше... Да и всё это рукоделие имеет вес, хотя именно это убедило меня в том, что мужик, действительно, охотник. Да, пусть на весьма специфическую дичь, однако эта его запасливость и стремление к независимости мне на пользу играет.

С наступлением ночи я снова посетил продуктовый магазин. Провизия у меня ещё оставалась, но она убывала с пугающей скоростью. Предпочтение я отдал мясным и рыбным консервам. Напихав их почти под завязку в рюкзак, отправился искать выход на другой кластер. По обмолвке трейсера, этот кластер должен пойти на перезагрузку. В брошюре же попадать под неё категорически не рекомендовалось, если, конечно, не хочешь погибнуть или превратиться в овощ.

Оружие придавало уверенности, но из описания видов зараженных я вынес только то, что с ними вообще лучше не встречаться, особенно с теми, кто из них уже успел развиться выше уровня бегуна.

Я повесил автомат на шею, на Сталкер установил ствол с интегрированным глушителем. В такой сборке у пистолета был один существенный недостаток – он не поместился в штатную кобуру. Я плюнул на это и закинул её в рюкзак. Сталкер же повесил себе через плечо на ремennую петлю. В какой-то момент я понял, что мне просто страшно идти, я неосознанно откладываю отправление в путь. Сделал над собой усилие и, стиснув зубы, шагнул за порог, словно в открытый космос.

Кислятиной, как бывает перед перезагрузкой кластера, ещё не пахло. Может, трейсер мне соврал? Я задавил желание вернуться и упрямо пошёл вперёд, стараясь не отсвечивать на открытых участках и двигаться как можно тише и незаметнее. Этот мир населен монстрами, с которыми я не горел желанием встречаться. Да, оружие у меня есть, но это далеко не панацея. И да... встреча с монстрами мне практически уготована рано или поздно, но лучше поздно, чем рано. Была внутри какая-то уверенность, что я ещё не готов к таким испытаниям.

Городские улицы, по которым я двигался, выглядели так, как и положено выглядеть улицам постапокалиптического города. О недавней трагедии тут всё даже не кричало – вопило: выбитые окна, следы недавних пожаров, вскрытые, словно консервные банки, машины на дорогах, следы крови, обрывки одежды и обломки костей. Вроде бы никакого шока я не испытал, однако обстановка давила на психику хоть и несильно, но непрерывно, заставляя меня останавливаться, оглядываться и дергаться от каждого шороха.

На перекрёстке через два кластера я увидел два раскачивающихся, как маятники, человеческих силуэта. То, что с ними встречаться не рекомендуется, для себя решил ещё заранее; посидев минут десять в укрытии, я обошёл их по смежной улице.

Мое новое ночное зрение помогало мне миновать препятствия и двигаться неслышно и незаметно. Через два-

три квартала я снова наткнулся на одиночного "маятника", но никакой группы поддержки не заметил. Решил испытать Сталкера в бою. Уняв волнение, прицелился, выстрелил. Выстрел оказался не таким тихим, как я ожидал... Во-первых, раздался вполне себе слышимый хлопок, и да, автоматика лягнула ещё громче. В довершение ко всему из экстрактора выскочила лёгкая пластиковая гильза весёленькой красной расцветки и бодро запрыгала по асфальту. По погруженной в тишину округе разнесся звонкий стук пластика о камень.

Конечно же, я промахнулся. Оружие не самое удобное, чужое и непристрелянное. Произвел ещё два выстрела один за другим, и, наконец, десятимиллиметровая пуля проделала дыру в черепе зараженного. С замиранием сердца подошёл к телу, несколько раз пнул его носком ботинка. Мертв. Превозмогая брезгливость и отвращение, перевернул труп и обнаружил на затылке нарост, похожий на половину чесночной луковицы, аккуратно вскрыл его. В воздухе остро запахло грибами. Сунул в споровый мешок два пальца и выгреб из него все содержимое.

На пальцах был ворох каких-то серо-черных нитей, о которых в брошюре не было сказано, но, кроме них, там обнаружился споран, похожий на серо-зеленую виноградину. Я сразу его узнал. От тех, что я получил как добычу, он не отличался ничем: такой же вес, размер и расцветка.

Испытав прилив гордости за то, какой я добытчик, поспешил убраться. По ощущениям, я прошёл километров десять

по городским улицам.

В общем-то, никаких особых приключений со мной больше не произошло. Я предпочитал избегать опасность. Если встречались низшие заражённые, я их обходил. Пока обходил. Мне надо было освоиться в этом мире, а тактика незаметности для этого подходила как нельзя лучше.

Границу кластера не пропустил бы и пьяный в дым – на пригорке стоял маяк – высоченная такая башня с прожектором наверху. Ясно, что сейчас прожектор не светил, указывая путь кораблям. Самый натуральный маяк. Вроде ничего необычного, вот только никакого моря вокруг видно не было. К кластеру с маяком вплотную примыкал антрацитово-чёрный кластер и уходил вдаль насколько хватало глаз. Про это я ничего не читал, так как об этом ничего не было сказано. Просто говорилось о черных, серых, обычных и стабильных участках. Вот небольшой треугольник с торчащим посреди него маяком я и определил как стабильный кластер, то есть не перезагружающийся. Или перезагружающийся, но очень медленно, например, один раз в сто лет, а может, и много больше. Я к маяку пришёл со стороны города, а с третьей стороны к нему прилегало то, что про себя я назвал пригород. Границы кластеров были четко обозначены, словно отрезанные по линейке. Я бы продолжил своё путешествие, так как мне не нравилось соседство с чернотой, но уже светало, и я решил остановиться на дневку в старом маяке.

10 Увольнение

Погремев ключами, Ремор отворила прозрачную дверь в свой кабинет и жестом пригласила Арка пройти внутрь. Через минуту мужчина и Катя сидели друг напротив друга. Под прозрачной столешницей было видно, как женщина закинула одну стройную ногу на другую. Стены кабинета также были прозрачными. У Арка точно такой же прозрачный крохотный кабинет.

Арк понимал, для чего так всё сделано. Мол, смотрите, босс вот он. Босс бдит. Босс видит всех вас. Не можете распивать чай, толпиться возле кулера с водой и в туалетную комнату ходите пореже. Иначе... Всевидящее око вас увидит, а могучая длань босса настигнет и жестоко покарает.

Есть во всей этой схеме один маленький нюанс. Стекло прозрачно в обе стороны. В этих просматриваемых помещениях, так напоминавших террариумы, Солнечников не мог как следует сосредоточиться на собственных задачах. Как чувствуют себя сотрудники в опенспейс, пребывая в постоянном гвалте, он догадывался, но, как им удастся хоть что-то делать, оставалось для Арка загадкой.

Вот и сейчас мужчина почувствовал несколько скрещенных на собственной персоне взглядов. Это было не очень-то приятно. Чтобы чем-то занять себя, Солнечников взял стаканчик и отпил кофе. Латте. Вкусный. Натуральный. В меру

сладкий.

Арк с удивлением поднял взгляд на Катю, та довольно усмехнулась.

– Нормально фитнес, – ответила она, откидываясь на спинку кресла и делая глоток из своего стакана. – Рядом есть кофейня «У Измаила». Всегда там завтракаю. Кофе в этом месте всегда классный.

Арк кивнул, не зная, что ответить. Кофе он не любил, предпочитал чай. Чай был почти всегда натуральный, в отличие от кофе, который лет пять назад поразил какой-то грибок. Сначала кофе стало меньше, а потом и вовсе – катастрофически мало. Цены на него стремительно и неприлично взлетели, делая напиток привилегией богачей. Солнечников мог себе позволить кофе, но мужчина не кайфовал от него.

– Катя, не думаю, что вы пригласили меня, для того чтобы разделить утренний кофе...

Арк разглядывал след от яркой помады, оставшийся на бумажном стакане собеседницы. Начала утомлять эта игра. Разговоры о погоде, транспорте, кофе – всё это приём под названием «расколоть лёд», то есть вызвать доверие собеседника, прежде чем перейти к основной теме. Мужчину эти условности раздражали. Вся эта ненужная суэта жрала время, которое можно потратить с пользой.

– Мне, правда, приятно общаться с вами и пить кофе, но давайте перейдём сразу к делу...

Ремор сделала ещё один глоток кофе, обожгла Арка взглядом чёрных глаз и кивнула.

– Хорошо. Некоторые обеспокоены тем, как обстоят дела в вашем отделе, и просили меня провести эту беседу.

Некоторыми могли быть только совет директоров или сам президент. В отделе было все нормально.

– И что не так с моим отделом? – едва подавляя раздражение, спросил Солнечников, изо всех сил стараясь придать своему голосу ледяное спокойствие.

Интересно, это тоже какая-то психологическая уловка? Конечно, уловка. Зачем бы ещё так строить фразы, чтобы вынуждать собеседника задавать уточняющие вопросы?

– Продажи нейрочипов «Н12/Линк – П» сократились на двадцать процентов. Вы, как руководитель отдела «холодных» продаж, можете объяснить это явление?

Как не пыталась Катя изображать позитив и жизнерадостность, голос женщины лязгнул сталью.

– Очень просто могу объяснить, – набрав в грудь воздуха, начал Арк, призывая всё свое спокойствие. – «Н12/Линк – П», как вы, наверное, знаете, является персональным чиплинком. Такие приборы ориентированы на розничные продажи. После совещания с заместителем директора департамента маркетинга, пришли к выводу, что заниматься разовыми продажами частным лицам – это не задача для отдела продаж.

Солнечников отпил из своего стакана немного остывший

латте. Катя молчала и не сводила с мужчины глаз.

Он продолжал говорить:

– Все, кто хотел новинку и имел на неё деньги, уже купили её. Я твёрдо уверен, что эффективность работы отдела продаж обусловлена прибылью. Вы согласны со мной?

– Я согласна с этим утверждением, – энергично кивнула Ремор. – Однако... коммерческий отдел должен справляться со всеми поставленными перед ним задачами, касающимися продаж.

– Глобальная задача отдела продаж заключается в формировании ожидаемой прибыли. Вы согласны со мной, Катя? – снова вежливо поинтересовался Арк.

– С этим я также согласна...

– Тогда давайте посмотрим на показатели прибыли, – мужчина поместил свой коммуникатор на стол и активировал большой голографический экран. Солнечников вывел на него показатели по месяцам со словами:

– Чтобы не быть голословным... Смотрите. Вот февраль. Я только пришел. Рост прибыли в десять процентов в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Март – двенадцать. Апрель – сорок. Май – тридцать восемь. Июнь – двести семь. Июль – триста один. За август ещё нет показателей, но будьте уверены, тенденция роста никуда не делась.

Катя внимательно изучала лицо Аркадия сквозь прозрачную голограмму. Показатели её не очень-то интересовали.

– И рост показателей вы относите на свой счёт, верно? –

уточнила Ремор.

Собеседник погасил экран и убрал коммуникатор в карман брюк, пожимая плечами, а после парировал:

– Конечно, цифры говорят сами за себя. Вы относите рост продаж насчёт рептилоидов с планеты Нибиру?

Внезапно Катя улыбнулась, но её глаза остались грустными.

– Нет, я так не считаю, но многие уверены, что рост продаж и ваше появление не связаны между собой.

– То есть как это? – пришла пора удивиться Арку. – Значительное увеличение продаж случилось в июле. Мы в этом месяце прекратили заниматься розничными продажами «Н12/Линк – П» и занялись вплотную продвижением «эмок», «ишек», «вешек». Насколько успешно, судите сами. Показатели вы видели.

– Боюсь, что судить об этом не мне, Аркадий, – сухо ответила Ремор. – Совет директоров и президент компании считают, что вы недостаточно хорошо справляетесь с возложенной на вас задачей.

Арк сидел как громом поражённый и думал: “Как так-то?”

– Я не понимаю, Катя...

Она хлопнула по столу ладошкой. Надетое на безымянный палец правой руки обручальное кольцо звонко щёлкнуло по пластиковому покрытию столешницы, словно ставя жирную точку в конце обсуждения.

– Меня попросили принять от тебя заявление об уходе по

собственному желанию. Если не подпишешь, тебя уволят за несоответствие занимаемой должности.

Кровь прилила к лицу Арка, а брови мужчины поползли на лоб. Первым побуждением было вскочить и пойти в кабинет Альберта Кузнецова, занимающего должность президента «Адамоса». Но, досчитав про себя до десяти, он попросил лист бумаги и по старинке размашистым почерком написал заявление.

В данный момент раздражение и огорчение взяли главную скрипку в оркестре эмоций молодого человека. Он хороший руководитель отдела продаж. Чёрт! Да, он прекрасен в этом деле. Работу с такими навыками он найдёт, а вот «Адамос» останется без такого перспективного кадра, как он.

Вопреки своим ожиданиям, с Ремор Арк увиделся снова и очень скоро. Собрав под ошарашенными взглядами сотрудников немногочисленные личные вещи, находившиеся в кабинете, в большой мусорный пакет, который попросил у труженика клининговой компании, Солнечников попрощался со всеми и отправился на подземную парковку, где оставил машину.

Арк не курил, поэтому запах табачного дыма, витавшего в большом гулком сумрачном помещении, почувствовал почти сразу. Чуть позже Арк увидел стоящую у ближайшей к машине стены стройную женщину.

Катя. Она была здесь. В руках блондинки дымилась тон-

кая сигарета.

Молча мужчина миновал женщину, открыл автомобиль и закинул пакет с вещами на заднее сиденье.

– Аркадий!..

Он сел и положил руки на руль.

– Арк...

– Я думал, мы уже поговорили. Что-то ещё?

Солнечников не без удивления посмотрел на Ремор.

– Ты сейчас расстроен, но я бы хотела сказать пару слов, если ты позволишь.

Приглашать женщину в салон не хотелось. Хотя запах табачного дыма ему был приятен, но ездить в прокуренной машине... Вылез сам. Говорить через опущенное стекло почему-то казалось неправильным.

– Зачем? – спокойно глядя женщине в глаза, задал Арк единственный вопрос, волновавший его сейчас.

– Зачем я тебя уволила? Мне сказали это сделать... – зачастила прямая, как струна, Катя.

– Зачем ты начала так издалека? Показатели, продажи... Зачем?

11 Орда

Маяк стоял не одной башней: его окружало около десятка разнообразных зданий. Тут был и вполне жилой двухэтажный каменный дом под красной черепичной крышей с просторным подвалом, и два лодочных сарая, а также несколько хозяйственных построек. Разглядывать хлев и курятники,

проводить ревизию в мастерских и погребе я не стал, удовлетворившись тем, что там никто не прячется.

Утро уже раскрасило горизонт в красный цвет, и я поспешил укрыться в башне маяка. Забравшись на последний этаж, перед входом в “фонарь”, где были установлены прожекторы, я раскатал каремат, бросил на него спальник и, наконец, от пуза наелся. Запив всё живуном и гороховкой, я устроился отдыхать. Ноги устали и болели из-за пройденного расстояния, но я был рад, что покинул кластер до того, как произошла перезагрузка.

Проснулся я только ближе к обеду от пришедших в голову ярких то ли воспоминаний, то ли видений из чьей-то чужой жизни. Хотя... Почему чьих-то? Я знаю, чьи это воспоминания – Аркадия Солнечникова. Вопрос только в том, я – это он или нет? Некоторое время я лежал поглощённый захватывающими впечатлениями и эмоциями от чуждой мне жизни, размышляя, есть ли смысл продолжать моё нынешнее существование. Вот зачем и дальше трепыхаться? Ведь ясно, что теперь мне путь назад заказан. Придётся теперь тут жить – в мире, называемом местными Ульем. Что я тут испытал с момента, как начал себя помнить? Голод, лишения, боль, предательство, гнев... Нужна мне такая жизнь?

Ведь надо себе признаться, перспектива дальнейшего существования довольно мрачная. Что я знаю о месте, в котором я застрял? Немного, но того, что известно, достаточно, чтобы сделать вывод: как минимум один местный стаб

– поселение иммунных – платит за уничтоженных атомитов профессиональным охотникам на них... на нас... То есть на меня. Вероятно, они получают вознаграждение в споранах за каждого убитого, иначе зачем бы им было отправляться за триста километров в опасное путешествие, чтобы поохотиться.

О своих бойцовских навыках я никаких иллюзий не питал. Да, я одолел в рукопашном бою трейсера, но ведь таких головорезов, как он, желающих пристрелить меня, много, а я один. Если даже некоторое время я сумею успешно прятаться и выживать, конец всё равно один – меня убьют, если не заражённые, так иммунные, не иммунные, так внешники.

Неизвестно, как глубоко в пучину отчаяния я бы погрузился, если бы из омута безрадостных мыслей меня не выдернул раскат грома.

Нацепив тёмные очки и спрятав лицо, я выбрался на смотровую площадку. То, что вижу перезагрузку, я понял не сразу. Просто ощутил упругий напор ветра, дующего в сторону идеально ровной, как по линейке, отрезанной границы. Постепенно накапливался и всё больше густел туман. Когда его непрозрачная пелена поднялась на приличную высоту, внутри периметра начало сверкать, словно сотня сумасшедших сварных работала дуговой электросваркой в сотне разных мест разом. Это не могло быть ничем иным, кроме как природным явлением, если так можно назвать происходящее в Улье.

Это не могло быть делом рук человека, так как все коммуникации, в том числе и линии энергоснабжения, при перезагрузке обрывает. Даже если нет, перенёсшимся сварщикам, должно быть, не до сварки. По самым грубым прикидкам, девяносто процентов попаданцев в Улей не становятся иммунными. Они стремительно деградируют, их организм меняется, и они становятся теми, кого тут называют «пустышами» или «медляками», и пополняют ряды первой, но не низшей ступени в иерархии заражённых. Дальше они могут либо найти пропитание и начать эволюционировать во всё более больших и опасных тварей, либо деградировать в ползунов и в итоге погибнуть от истощения.

Для заражённых питание очень важно, а так как они ничего, кроме мяса, есть не могут, основой их рациона становятся люди, попавшие в Улей вместе с ними. Иммунным, если они захотят уцелеть, придётся очень крепко задуматься о собственном выживании. И не только задуматься, а предпринять в этом направлении самые решительные шаги.

Сверкание, так похожее на вспышки электросварки, продолжалось минут десять. Несколько раз раскатисто громыхнул гром, но молний видно не было. После этого туман начал медленно рассеиваться – и сразу я не понял, что это уже новый кластер появился на месте прежнего. Из-за тумана очертания домов и улиц, казалось, остались неизменными. Но вот заверещала сирена полицейской машины. Несколько автомобилей принялись гудеть. Раздался визг стиравшихся

об асфальт покрышек, звук удара сминаемого металла, посыпалось разбитое стекло: две легковые машины столкнулись. Через несколько секунд до меня донеслись неумелая, но очень энергичная матерщина и звуки потасовки. Пару минут спустя завывла сигнализация.

Где-то там, в тумане, всё ещё мчались автомобили, они сигналили и светили фарами. Люди пока не поняли, что происходит вокруг. Правила игры между тем уже кардинально поменялись, но попаданцам об этом не удосужились сообщить.

Туман окончательно развеялся. Люди останавливались и глазели на невиданное и странное зрелище. Вместо привычного района города теперь высился заброшенный маяк, за которым простиралась до горизонта антрацитово–чёрная равнина. Некоторые горожане останавливали машины и снимали происходящее на камеры своих коммуникаторов.

Почему я не боялся своего обнаружения на вершине внушительной башни? Во-первых, я был вооружён, а во-вторых, мне сверху было видно то, что свежаки не имели шансов заметить.

Сначала я не придавал значения невнятной дымке на горизонте, но чем больше проходило времени, тем очевиднее становилось – это пыль, сбитая с земли и поднятая в воздух тысячами ног.

Через двадцать минут стало ясно, что это заражённые. И твари появились не с той стороны, откуда я их ожидал. Они

словно опасались приближаться к черноте и держались от неё метров так за сто пятьдесят – триста. Я залёг на своей позиции, боясь, что меня заметят, но не прекратил наблюдать за кошмаром, творящимся в городе; немея от ужаса, я определял виды заражённых по книжным описаниям.

Первыми в вырванный из привычной реальности город ворвались элитники. Их было всего с десятков, но опустошение они производили по-настоящему эпическое. Твари, двигаясь с запредельной для живого существа скоростью, жрали всех тех, кто не успел спрятаться. Руберы, кусачи и топтуны шли с небольшим отрывом, доедая то, что оставила элита. Они потрошили и переворачивали машины, вылавливали “счастливчиков”, избежавших встречи с самыми развитыми тварями, заскакивали в легкодоступные места, вроде: магазинов и кафе, – чтобы схарчить посетителей. Следом за ними пришли лотерейщики и бегуны, открывшие финальный акт кровавой драмы. Эти бродили по улицам, заглядывая в подъезды. Лотерейщики с ловкостью обезьян забирались даже на самые верхние этажи.

Видимо, меня от обнаружения спасал только близкий чёрный кластер. Кровавое пиршество продолжалось весь остаток дня и ночь. Несколько домов загорелось, раскрасив темноту в зловещие багровые тона. Лишь когда началось утро следующего дня, я решился очень тихо и осторожно покинуть свою лёжку и снова спрятаться в тёплом спальнике от всех ужасов, которые я только что наблюдал.

Перекусил консервами, запил живуном и гороховкой. Думал, что не смогу и куска проглотить, но не заметил сам, как приговорил содержимое пяти банок. В голове всё это время крутилась только одна—единственная мысль: “Как иммунным вообще удаётся выживать при таких раскладах? Как выжил я? Нет... Серьёзно... Если я бегал какое-то время безумной ничего не понимающей тварью, то как получилось не встретиться с достаточно развитым мутантом, который бы меня употребил, как я свои консервы только что?”

Одолеваемый мыслями о том, как мне жить дальше, я некоторое время ворочался. Как себя вести, чтобы выжить? Пока всё, что я делал, — это плыл по течению, что было категорически неверным решением. Нужно иметь как минимум несколько краткосрочных планов и парочку долгосрочных. Терзаемый подобными идеями, я сомневался, что мне удастся уснуть, однако, или я устал сильнее, чем думал, или имел более крепкие нервы, чем считал, сам не заметил, как задремал.

12 Ремор

Ремор бросила окурочек и растоптала его узким носом модельной туфли. Женщина тут же вытащила новую сигарету и закурила.

“Она что, волнуется? Переживает? Из-за меня? Из-за моего увольнения? Почему?” – недоумевал Солнечников, он никогда не был особо близок с Катей. Откровенно говоря, они были едва знакомы. Несколько раз общались по рабочим вопросам, пару раз выезжали на корпоративные мероприятия. Арк не оказывал ей знаков внимания. Женщина вроде бы тоже к нему не клеилась.

Так по какой причине Катя тут стоит и курит? Ведь она фанатка здорового образа жизни. Или нет? Или это, как и улыбка, часть маски, которая уже так приросла к Кате, что, если захочется “снять”, нужно будет отрывать с мясом?

Неожиданно Арк осознал, что сейчас и он хочет закурить.
– Угости меня, пожалуйста, сигаретой...

Получив бумажную палочку, мужчина оперся на капот и прикурил от предложенного огонька. Рядом пристроилась Катя. Дым окутал Арка.

– Извини, – наконец произнесла она с некоторым усилением. – Извини меня. Я должна была сказать всё как есть, а не ходить кругами.

– Ага... – кивнул Арк в ответ и затаился. – Проехали.

Дым на вкус оказался, как и положено, вонючим и гадким. В ушах зашумело, голова закружилась. Зачем он вообще попросил сигарету? После того, как чуть не закашлялся, мужчина скорей делал вид, чем действительно курил. Не выкинул гадкую дымящуюся палочку он только из боязни выглядеть смешным.

– Правда, извини. Вообще-то, я считаю, что такого, как ты, ещё нужно поискать. Я в компании с самого её открытия. Перевидала упырей всяких...

– Катя, я уже извинил тебя, всё нормально... Можешь не продолжать.

Пока этот фитнес-киборг перешла на неформальное общение, Арк не упустил шанса узнать ответ на интересующий его вопрос:

– Кому я так поперёк горла-то встал? – он посмотрел на правильный точёный профиль Ремор.

– Это инициатива Альберта. Он позвонил мне утром, – та запрокинула голову, выпустила дым в высокий потолок и продолжила, не глядя на собеседника: – Кузнецов никогда так рано не встаёт, на работу он приезжает, если хорошо, к обеду. Но сегодня он и не ложился. Я это со второго слова поняла, потому что он был на бровях...

– В смысле пьян? Он же...

– ... не пьёт, – подтвердила Катя и кивнула. – Болезнь у него как-то связана с сосудами. Медицинские противопоказания...

В голове Арка было пусто, как в барабане. Он провёл по своей короткой причёске ладонью, но действие не стимулировало мыслительный процесс.

– Я спросила о причине, которая его заставила принять такое решение, и предложила обсудить это завтра нам всем вместе, – снова выпустила струйку вонючего сизого дыма Ремор. – Знаешь, куда он меня послал?

Альберт никогда не был сдержан в выражениях.

– Не надо уточнять. Я догадываюсь, – уже почти спокойно ответил Арк. – Совет директоров проголосовал?

Катя пожалала плечами и встала напротив мужчины.

– У тебя всё впереди, Арк. Если в начале карьеры ты себя успел так показать, думаю, всё у тебя будет хорошо... – женщина взяла его за плечо чуть выше локтя и добавила искренне: – Желаю тебе удачи.

Почему-то Арку захотелось её прижать к себе и слиться с Катей в долгом страстном поцелуе. От этого наваждения стало ещё неудобнее, и мужчина смутился под пристальным взглядом жгучих тёмных, почти чёрных, глаз Ремор.

Всё.

Момент упущен.

Ремор развернулась и ушла, печатая металлическими набойками на каблуках шаг. Катя оставила Солнечникову лишь отвратительный запах табачного дыма да тонкий аромат дорогих духов.

Арк поймал себя на мысли, что он сидит и пялится на сте-

ну с абсолютно пустой головой и это продолжается довольно долго. Нет, сначала мужчина смотрел, как задорно играют ягодицы блондинки под тонкой тканью юбки, но после того, как за Катей закрылась дверь, он так и остался сидеть на капоте своей машины.

Что дальше? Домой? Нет... Лия очень эмоциональна. Она расстроится, если сообщить новости как есть. Да и самому Арку заявиться к любимой девушке вот так...

А как? Да, блин, как псина сутулая. Вот как в таком виде показаться? Ну, хорошо... Если не домой, тогда куда?

В районе новой съёмной квартиры он знал одно место – чайхану «У Хуршеда». Очень приятное заведение с хорошим хозяином. Там можно было не только выпить прекрасного чая, но и плотно покушать.

После сытного завтрака, которым накормила Лия своего мужчину, есть не захочется очень долго. Она вообще считала завтрак самой важной трапезой за весь день. Когда Арк думал о своей девочке, в душе его случалась весна: тепло, птички начинали петь, восходило солнце; свет его лучей прогонял с горизонта, как черные тучи, проблемы.

Улицы родного Благовещенска никогда не бывают пустыми, даже глубокой ночью, но доехал мужчина быстро. Без пробок. И светофоры давали зелёный свет, как только «Иволга» Арка подъезжала к ним. Один раз мужчина всё же притормозил на красном. Кроме автомобиля Арка, на светофоре стояла еще одна машина. Против воли мужчина взгля-

нул в ее окно. Из салона со стороны задних сидений показала язык конопатая девчонка лет семи–восемью с двумя черными косичками. Арк улыбнулся ей в ответ, опустил на нос темные очки и подмигнул проказнице.

Девочка засмушалась и спряталась, настроение мужчины ещё немного повысило градус. Проблемы теперь не казались такими уж неразрешимыми. И Арк уже было решил, что чёрная полоса позади.

Около чайханы была своя небольшая парковка. Проблем с тем, где встать, не возникло.

Хуршед, благообразный луноликий таджик лет пятидесяти с ухоженной короткой бородкой, расцвел в улыбке:

– Добро пожаловать, уважаемый!

– Салам алейкум, Хуршед, – невольно улыбнулся в ответ гость. – Мне бы посидеть одному и выпить вашего ароматного чая в тишине.

– Алейкум ассалам, уважаемый, – улыбка хозяина стала шире. – Пойдёмте–пойдёмте!

Через несколько минут Арк уже устроился на топчане, предварительно скинув обувь, и, попивая ароматный зелёный чай, просматривал вакансии на малом голографическом экране, который развернул со своего коммуникатора.

Такой работы, которую он рассчитывал получить, было не просто не много, а исчезающе мало. Настроив фильтры на требуемый заработок и сферу деятельности, Солнечников получил всего несколько открытых вакансий. Он решил не

откладывая дело в долгий ящик и позвонил. Одно из предложений по работе оказалось уже неактуальным. Сотрудника взяли, вакансию не убрали. Бывает. Два других варианта также оказались неактуальны, после того как он набрал номер. Арку намекнули на то, что он слишком молод. Пожав плечами, мужчина перешёл к последнему варианту и попал на искусственного секретаря.

“Железка” хорошо поставленным женским голосом пригласила Арка пройти собеседование через сорок минут. Прикинув маршрут по карте, мужчина понял, что успевает, и согласился.

Первая проблема прилетела оттуда, откуда не ждали. При попытке оплатить чай Арк выяснил, что на его счёт недостаточно средств. Не беда. С собой у мужчины именно на такие непредвиденные случаи всегда была небольшая сумма наличных. Нужно было видеть лицо Хуршеда, когда тот принимал оплату. Все давно отвыкли от монет и купюр. Попытка расплатиться любым другим способом, кроме цифрового, уже лет десять как вызывала только подозрения.

Когда Арк прислонил большой палец к замку, машина не открылась, все части пазла с щелчком стали на свои места.

Непьющий уже много лет Альберт вдруг запил и решил уволить Солнечникова среди ночи. Да так срочно, что, когда некурящая женщина–киборг, физкультурница Ремор, дипломатично попыталась выяснить причины у босса и отсрочить увольнение, а то и вовсе его отменить, Кузнецов наорал

на неё так, что непробиваемая Катя сорвалась и забила на ЗОЖ. После того как Аркадия увольняют, с его счёта пропадают все деньги, а доверенность на машину аннулируется.

Совпадение? Нет, не совпадение.

Воображение живо дорисовало картину того, как Солнечников-старший звонит президенту «Адамоса» с требованием немедленно уволить сына. Альберт недоумевает. Ему это не выгодно. С ростом продаж наконец-то виден свет в конце тёмного финансового тоннеля. Качественные, но очень дорогие нейрочипы начали продаваться партиями, которые покрывали текущие расходы производства. Тогда Валерий Денисович просто давит на главу «Адамоса». Как давит? Очень просто: отец Арка – самый крупный держатель акций компании.

13 Чернота

Чуткий и тревожный из-за близости орды зараженных сон прервался. Несколько секунд я не мог понять, где я и почему проснулся. А потом реальность навалилась на меня со всей суровостью и беспощадностью. Я чуть не застонал. Улей... Как же я мог забыть!.. Орда монстров–людоедов стремительно и изощренно уничтожала население, попавшее в ловушку при перенесении в это место части города.

Но рефлексировать было некогда, быстро справив все естественные потребности, я наспех проглотил несколько холодных консервов и очень тихо и осторожно выбрался на свой наблюдательный пункт.

От меня не укрылось, что обычное оцинкованное ведро, прикрытое дощечкой, стало уже пахнуть, что, кстати, вообще неудивительно, ведь я его использовал как туалет. Такими темпами меня не то что заражённые, а самые обычные люди учуют по запаху. Ещё одна проблема, с которой надо что-то срочно делать.

Я подремал несколько часов. За это время ничего радикально не изменилось. Орда хоть и ушла дальше, но по городским улицам всё ещё бродили разной степени отожранности заражённые. Только сейчас я понял, что выходить против мутантов с автоматом и ножом... Нет, проще застрелиться, мучений выйдет меньше, потому что такой бой будет

слишком уж похож на затейливый способ самоубийства. Понятно, что с низшими заражёнными, вроде: ползунов, медляков, прыгунов, бегунов и лотерейщиков – я справлюсь. Но, кроме них, внизу бродит приличное количество более развитых тварей, с которыми мне не сладить.

Отчаяние... Вот как называется мое состояние. Я пребывал в полном смятении чувств, но не мог придумать, как мне безопасно выбраться из здания маяка, чтобы меня не заметили или не учуяли заражённые. Зачем? Да хотя бы для того, чтобы убрать за собой нечистоты. Кроме того, аппетит мой значительно улучшился. Оно и понятно! Ведь вывалившиеся зубы постепенно заменялись на новые, которые уже прилично так отросли. Ногти на руках тоже стали значительно крепче, и вообще организм в целом быстрее регенерирует и восстанавливает повреждения. За всё приходится платить, за регенерацию тоже. Вот и требует моё брюхо двойной порции. А сколько мне тут сидеть? Еды уже осталось меньше половины от того, что я принёс с собой. Понятно, что прятаться буду, сколько получится, но выходить придётся и очень скоро. Возможно, раньше, чем мне того хотелось бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.